

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ВНУТРЕННИЙ ДЕСПОТ

Либерал перед соблазном власти

ДЕКРЕТ УЖЕ БЫЛ ПОДПИСАН

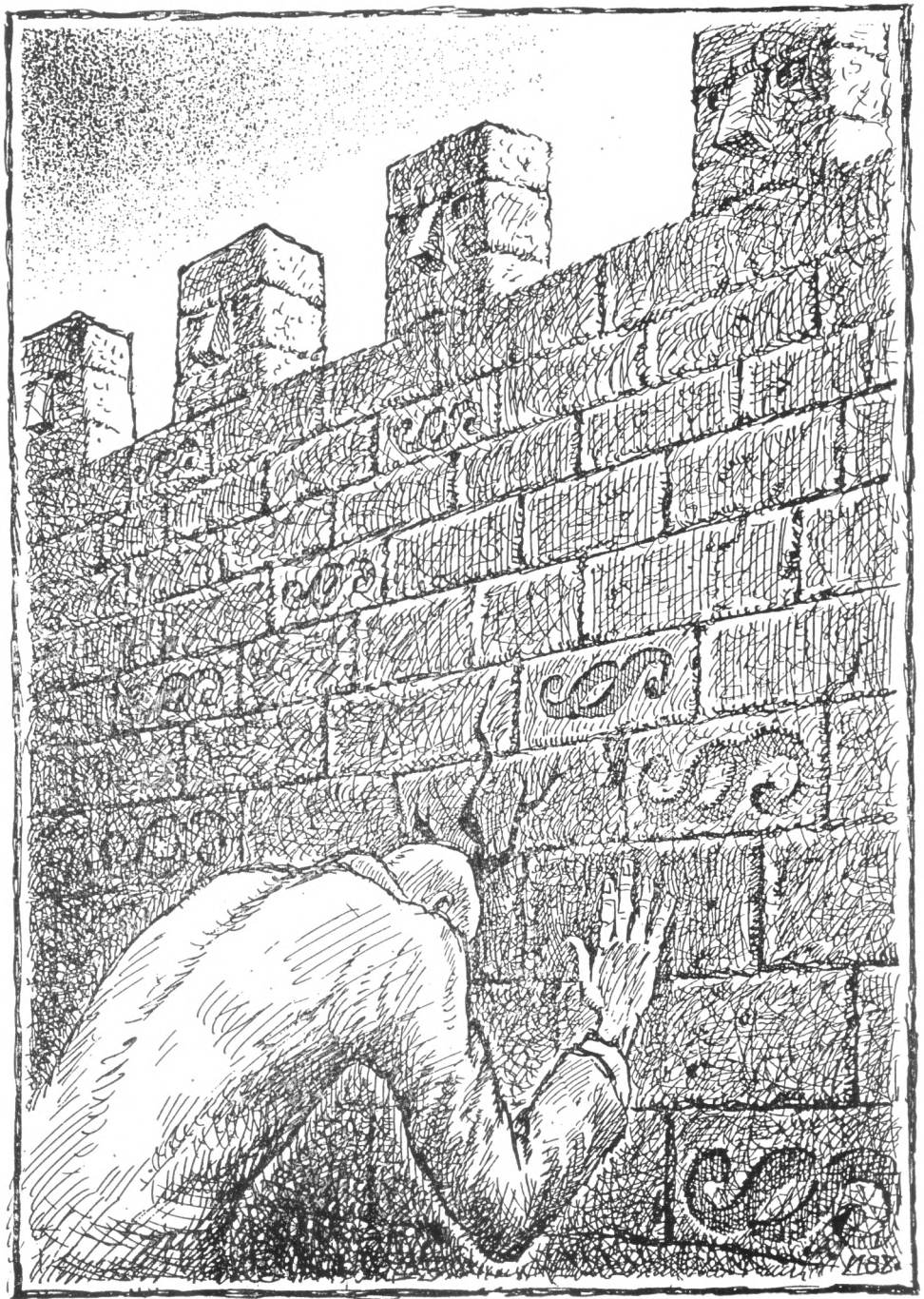
Об альтернативной службе

БЕСЕДЫ КОСМОПОЛИТОВ

О конвергенции двух мировых систем

ISSN 0320 8001

1/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Встреча в редакции

Л. КАРПИНСКИЙ. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ПЕРЕСТРОЙКИ
А. САХАРОВ. ПЛЮРАЛИЗМ — ЭТО КОНВЕРГЕНЦИЯ
Г. ГУСЕЙНОВ. ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕГО ДОМА

14

Резонанс

В. БАЛАБУШЕВИЧ, А. СИПКО. МНЕНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛОВ
Л. ЩЕРБАТЫЙ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КЛУБ!..

25

Мы: формалы и неформалы

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

30

Взгляд со стороны

Б. КОППЬТЕРС. ВЕРУЮЩИЕ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА

34

Проблемы и суждения

В. АРСЛАНОВ. ДВЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

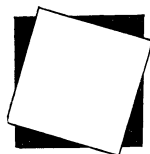
38

Из журналистского блокнота

А. ГЛЕБОВА. КАК СТАТЬ МИРОМ!

44

На 2-й и 3-й страницах обложки рисунки Игоря СМЕРНОВА.

„Уважаемая редакция...“

У нас была даже мысль — весь первый номер заполнить письмами читателей: столь обширной, содержательной и интересной оказалась наша почта. Но и авторские статьи хороши!

Мы признательны нашим читателям за глубокий и нестереотипный анализ непростых явлений общественной жизни как в нашей стране, так и за рубежом.

Философия миротворчества

Еще не так давно «борьба за мир» воспринималась нами как сфера преимущественно компетенции женщин и пионеров. Классическими иллюстрациями антивоенной деятельности для нас являлись детские рисунки с перечеркнутыми ракетами и монологи матерей: «Я хочу, чтобы над моим ребенком всегда было чистое небо!» Но при всем естественном сочувствии такой пацифистской позиции любой здравомыслящий человек понимал, что проблема войны и мира, увы, несравненно сложнее и драматичней.

Разве оружие само по себе является носителем ненависти и вражды? Можно подумать, что до создания атомного оружия люди не убивали друг друга с помощью огнестрельного, а еще прежде штыками, дубинами, кулаками. Да и так ли уж чужда человеческому существу идея войны? Чужда ли она вполне хотя бы женскому сознанию? Ведь признают же люди Македонского, Тимура, Бонапарта великими, а «женщины любят победителей»!

Именно появление человека как носителя идеи, ради которой он готов пренебречь инстинктом самосохра-

нения, своей и чужими жизнями, довело до иррациональных масштабов агрессивное начало в природе. Уже не одно столетие в качестве основного вида вооружения враждующие стороны используют идеологический арсенал. Непримиримые мировоззренческие концепции, разнящиеся представления о справедливости, взаимоисключающие понятия об истине и счастье человечества вели людей на религиозные, гражданские войны, в огонь революций.

Но идеи обладают и противоположным свойством — по достижении обществом определенного культурного уровня идеология его становится все менее воинственной. Это и понятно: агрессивность, патологическая тяга к разрушению есть первый признак человеческого невежества. Безапелляционность суждения о предмете свидетельствует только лишь о малой его изученности. В глазах мудреца образы добра и зла, врага и друга, обычно однозначные, расплываются как акварель на влажной бумаге.

Интеллектуальный прогресс у нации идет, конечно, совсем по другой траектории, чем у одиночки-филосо-

софа. Но и в том и другом случаях просвещенное мышление характеризует одна общая черта — терпимость.

В этом освобожденном мыслительном поиске и заключается, на мой взгляд, перспектива будущего мирного сосуществования народов. И борьба за мир может быть эффективна лишь в случае преодоления первопричины войн — невежества и взаимной нетерпимости людей, а никак не при уничтожении материализованного символа вражды — оружия. Такое подлинное миротворчество не исчерпывается набором декоративных акций, а сопровождается мыслящего человека в качестве философии в течение всей его жизни.

Замечательным примером философии миротворчества является, как мне представляется, журнал «Век XX и мир». Аналитическая напряжен-

ность его публикаций свидетельствует о редкой даже для лучшей сегодняшней прессы тенденции: не только лишь к свободному изложению фактов, но и к их независимо-му осмыслению. Это путь к интеллектуальной интеграции народов, составляющих современное человечество. В этой связи мне кажется не вполне адекватным перевод названия журнала: например, английский — «XX century and peace». Слово «peace» в английском языке означает «согласие, покой». Точнее соответствующее идее журнала, мне кажется, более широкое понятие, выраженное словом «world», — мир, свет, — в его многообразном и многозначном контексте.

Анна ЗОЛОТАРЕВА,
член общественно-политической
организации «Гражданское
достоинство», г. Москва.

Пена у рта

Говорить о неформалах дурно считается «антиперестроечным», а тем временем... Многие из них производят на меня, и не на одного меня, впечатление людей агрессивных, невежественных и просто глупых.

Среди политических неформалов — сегодня такие наиболее активны — заметны два лагеря. Одни с пеной у рта требуют «возрождения истоков» — тех или иных, революционных, а то и допетровских, другие — брызгая слюной, вымогают неизвестно у кого гарантий, что «прошлое не повторится». Однако у тех и у других более всего заметна именно эта вот пена у рта...

Идет, к примеру, диспут «о плюрализме и многопартийности»: все за плюрализм, но одни — всецело — за однопартийность, другие — на-

смерть! — за многопартийность. Разве не ясно, что функциональная многопартийность в любом обществе была, есть и будет, сколько бы партий в нем официально не насчитывалось? Слово «партия» в переводе значит **часть**: как же часть может быть **одной**, а живое общество — «одна-стным»? Спорим, клеймим, ругаемся — а всего-то и разговору о том, чтобы люди разных политических взглядов не рубили друг друга шашками.

Или вот еще — «даешь власть рабочему, трудяге!..» Со знакомой уже пеной у рта: интеллигенция, мол, только болтает, умничает и празношатается, зато пролетарий, этакий социальный святой, знает истину от рождения в силу своей «исторической миссии» (следует цитата из Маркса...)

Никто из неформалов при этом, как правило, не стесняется тогда противоречия, что сами они интеллигенция, правда, не лучшего сорта.

Что все это значит? Заблуждение? Провокация? Или завистливый страх невежд перед «умниками», раздуваемыми охоту на ведьм? Откуда встает волна нетерпимости, подозрительности, ненависти? Кто воскресил в наши дни старинный гнусный девиз «кто не с нами, тот против нас»? Иному журналисту слышится в нем гражданская боевитость и радикализм, а по-моему, это — язык деспотизма, вечный пароль любой стаи насильников, изыскивающих «врага» среди **наших**. Ты «наш» или «не наш»? Если «наш», можешь не думать, не сомневаться, но членом «Народного фронта», «Памяти» или «Демократического союза» быть обязан! Это — феодальная логика.

Программы современных «движений», «союзов», «фронтон», если сравнить их с заповедями Христа («Возлюби ближнего своего, как самого себя») или благородными истинами Будды («Жизнь есть страдание, порожаемое дурными страстями, но есть путь, ведущий прочь от страда-

ний»), избобличают скудоумие и чиновную скуку их текстов, смысл которых всегда банален, а часто безграмотен. «Слава рабочему классу!», «Будем все едины!», «Демократия—на службу перестройке!», «Наука—на службу демократии!», «Даешь!», «Долой!», «Вперед!»... Все эти каркающие закливания застревают в народном сознании, оглуляют и ворожат над живыми душами. Заменить бы всю эту ефрейторскую премудрость чань-буддистской загадкой: «Что значит хлопок одной ладонью?»

Чушь? Пожалуй, такая «чушь» здорнее и умней «бурных аплодисментов» и всей вообще политической магии и колдовства — во всяком случае, безопасней «неформальной» охоты на ведьм в государстве.

Что человеку вообще-то для жизни надо? Мир ему нужен, деньги, свобода, рябина, березка — и все. Остальное — дело жизни, предоставленной себе самой, без всяких «всепобеждающих» глупостей, без лганья резолюций, спонтанно, на свой страх и риск...

Алексей КОЗЛОВ,
г. Свердловск.

Серьезное время

То, что Александр Исаевич Солженицын до сих пор не печатается у нас и живет в захолустном штате Америки, а не дома, является непостижимой нелепостью. Не назвешь еще ни одного из наших писателей, который бы сделал для перестройки и для теперешней гласности и демократии столько же, сколько сделал А. Солженицын. В сущности, все его художественные произведения, написанные и опубликованные за время проживания на Родине, — гневный протест против извращения законности, бюрократического произвола, самоуправства, этих разновидностей современной семибоярщины, так сказать.

Такие его вещи, как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовке», «Для пользы дела», — литературные шедевры, высоко оцененные в свое время ведущими писателями и критиками страны: К. Чуковским, С. Маршаком, А. Твардовским и другими. Ленинскую премию он не получил только по причине клеветнического заявления на заседании Комитета по присуждению премий. Эта клевета — будто Солженицын сотрудничал во время войны с гитлеровцами — была опровергнута на следующий день А. Твардовским, зачитавшим решение Коллегии Верхов-

ного Суда СССР о реабилитации А. Солженицына.

Призыв А. Солженицына «Жить не по лжи!»—вернейшее доказательство давнего ратоборства писателя за демократию и гласность. В этом документе выражена идея гласности и сформулированы ее основные принципы: жить не по лжи—значит говорить только правду, чего бы это ни стоило. В этом, собственно, смысл нашей гласности и перестройки. Давно пора опубликовать и другой документ—письмо Солженицына съезду писателей. Там тот же страстный призывный клич и блестящее доказательство необходимости гласности. Размноженное им кустарным способом на пишущей машинке без малого в трех сотнях экземпляров, оно было разослано по почте писателям. Получил в свое время это письмо и я. И теперь перечитывая его, ощущаешь все тот же азартный озноб от нетерпения; так и хочется—хватить кулаком по столу да крикнуть во все горло: «Как вы смеете затыкать нам глотку и превращать нашу литературу из трубного гласа народного откровения в фистулку бюрократического своеволия!»

Некоторых пугает категоричность в письме Солженицына съезду писателей: «Добиться упразднения всякой—явной или скрытой—цензуры над художественными произведениями». Не надо пугаться. Речь идет здесь не о цензуре вообще, а над «художественными произведениями», то есть над образной системой, над социально-нравственной, философской мыслью, и эта цензура фактически снята. Что же касается цензуры над порнографией, над государственной и военной тайной и проч., то она существовала и существует почти во всех странах мира.

Тогда, в то время, и Солженицын, и многие из нас еще не представляли себе, что кроме официального Главлита есть множество доброхотов из разных ведомств, а главное из нашего Союза писателей,—готовых стереть с лица земли не только гласность, но и память о ней. (Да что тогда! Теперь, дав нам всего один

год подышать при свободной неограниченной подписке, они уже накидывали удавку на нашу гласность: в десятки, в сотни раз пытались сократить подписку на газеты и журналы, пользующиеся особой популярностью в культурных центрах страны.)

Не меньшее удивление, мягко выражаясь, вызывает и недавнее заявление М. Шатрова в ноябрьском «Огоньке»: «Александр Исаевич Солженицын не принимает Октябрьской революции и большевизма как течения революционной мысли, является их убежденным и открытым противником...»

М. Шатров, должно быть, забывает, что Солженицын не политик, не член партии эсдэков, эсэров или монархистов. Он—писатель. Он обязан критиковать любой режим. Он гражданин СССР. Он доблестно сражался четыре года на фронтах Отечественной войны. Значит, когда воевал за Советскую власть, тогда «принимал» революцию, а когда стал критиковать ее, стало быть, перестал «принимать». Рассуждение, достойное Козьмы Пруткова. Эдак можно и самого Ленина обвинить в неприятии Октябрьской революции: он решительно критиковал первоначальный период ее—военный коммунизм и продразверстку. И не только критиковал, но сделал поворот на сто восемьдесят градусов к нэпу и кооперации. Некоторые рыцари левого коммунизма так и называли это—отступничеством от идеалов целого класса. И после смерти Ленина добились-таки своего—свернули к продразверстке. Вот к чему приводит отмена гласности и критики.

Однако вернемся к Солженицыну. Президиум съезда СП отклонил предложение многих писателей (В. Конечного, Г. Владимирово, В. Тендрякова и др.) обсудить письмо. Но мы, писатели,—а письмо это получили, как я уже сказал, более двухсот писателей—обсуждали его бурно и в кулуарах съезда, и в гостиницах, и в Центральном доме литератора, и в редакции «Литгазеты»... Оно было гордым и открытым вызовом, брошенным отважным гражданином тем пособникам в Союзе писателей, ко-

торые помогали засупонивать хомут мертвечины, накинутый на шею общества сторонниками сталинизма и создателями застойного периода.

Напор ответного движения, наших душ «прекрасного порыва» был так силен, что на съезде дирижеры общего устройства мертвой зыби заседаний не посмели и словом осудить Солженицына. Но они с лихвой наверстали упущенное, чтобы «проработать» его на последующих «узких» заседаниях секретариата. Били его и за публикации романов «Раковый корпус» и «В круге первом», воровски изданных за рубежом в обход воли автора, о чем Солженицын сделал заявление в «Литгазете». Не помогло и это заявление. Келейно исключили его из Союза писателей (в Рязани, четырьмя голосами малоизвестных писателей).

Затем была шумиха вокруг присуждения ему Нобелевской премии, по сути своей напоминавшая расправу с Б. Пастернаком.

Между прочим, мне хорошо известно, что сам Солженицын, предвидя эти случаи по случаю присуждения ему Нобелевской премии, написал письмо М. Суслову, в котором предлагал встретиться и обсудить — какие меры следует предпринять, чтобы факт присуждения премии не был использован в ущерб престижу нашего государства. Условия, которые выдвинул Солженицын, были крайне скромные: издать отдельной книгой рассказы и повести, опубликованные ранее в наших журналах, снять запрет с публикации «Ракового корпуса», напечатать «Август четырнадцатого», произведение патриотическое, в котором (в первом варианте) даже не упоминалась деятельность социал-демократов, где критика в основном была сосредоточена на Ставке Верховного командования.

Что еще было в этом письме? Что он, Солженицын, не забыл, как тепло поздравлял его Суслов с успехом на приеме писателей у Н. С. Хрущева; просил разрешить печатать слово «Бог» с большой буквы, ибо в то время, в августе четырнадцатого года, с маленькой буквы Бога не писали. Да-

же оговорка была в том письме, что он-де, не настаивает на скорой публикации романа «В круге первом» и надеется, что тому настанет время.

Я знаю, что письмо это он отнес в приемную ЦК КПСС, сдал в окошко под роспись на имя Суслова. Ждал с надеждой ответа... Не дождался.

Когда Комитет по Нобелевским премиям решил вручить Солженицыну премию на его квартире в Москве (в Швецию он не хотел ехать — опасался, что его не пустят обратно домой), он составил список гостей по этому случаю. В числе приглашенных были министр культуры СССР Е. Фурцева, секретарь ЦК КПСС П. Демичев, академики, художники, композиторы, писатели. Вручение премии в Москве не состоялось...

Нужно ли напоминать, как обливали его грязью перед выдворением из страны? Кто здесь только руки не приложил... И к сожалению, большая часть хулителей была членами Союза писателей. А между прочим, публикация Солженицыным «Архипелага ГУЛАГ» была вынужденной. Я это знаю точно. Он намеревался опубликовать его только после 1984 года. Опять поразительное предчувствие нашей перестройки.

Так что же теперь мешает вернуть ему гражданство СССР и снять запрет с публикации его произведений на Родине? То, что живя за границей, он критиковал наш режим? Но мы его и сами теперь критикуем иной раз и похлеще Солженицына. А между прочим, он критиковал не только нашу систему правления — с неменьшей отвагой и яростью он критиковал и Англию и, особенно, Соединенные Штаты. Американские газеты и радио признавались, что такой критике никто не подвергал Америку за всю историю существования ее.

И тем не менее, американское правительство и не подумало выдворить его из Америки. А ведь он для них чужак. Что же выходит? Они — капиталисты — лучше нас? Или мы — злопамятнее их? Тем, кто старается процитировать резкие выражения Солженицына по адресу нашей системы раннего периода, я бы посовето-

вал почитать, Короленко — дневники тех лет, письма Горькому, Луначарскому или самого Горького «Несвоевременное», а еще И. Бунина «Окаянные дни». Они, пожалуй, похлеще завинчивали. И вроде бы ничего, не развалилось наше государство от этих бурных обвинений... Представьте себе на минуту нашу литературу без Горького и Бунина. Этот абсурд. Таким же абсурдом является наша литература и без Ивана Шмелева, Василия Розанова, Бориса Зайцева, Виктора Некрасова, Георгия Владимова,

Владимира Войновича и многих других. Что же касается Александра Солженицына, то в мировой литературе в настоящий момент нет писателя, равного ему. Он гордость наша и слава, и место ему здесь, на Родине.

Пора уже осознать простую истину: нам нужны в литературе (и не только в ней) лидеры, а не столоначальники. Время нынче такое, серьезное время.

Борис МОЖАЕВ,
писатель,
г. Москва.

В мире тайн

«Известия» от 23 августа (№ 236) сообщили о «поразительном факте» — в западноберлинский центр документации (БДЦ), хранящий секретные бумаги «третьего рейха», до сего дня не был допущен «ни один советский человек! Ни ученый, ни юрист, ...ни журналист, ни военный — никто! Не пускают американцы».

Американцы поступают, конечно, нехорошо. Но как ни печально, наших ученых, юристов, журналистов и даже военных едва ли так уж сильно шокирует то, что их не допускают к западноберлинским секретным архивам. Их ведь и к нашим собственным секретным архивам не допускают тоже! Не пора ли перестать обличать различных «американцев» и обратить гнев против собственных зажимщиков информации. В самом деле, если мы осуждаем преступления аппарата ГПУ — НКВД — МГБ, то почему бы не открыть их архивы — не для всех, боже упаси, а хотя бы только для ученых, юристов и журналистов? Может быть, тогда расследование

таких чудовищных провокаций, как убийство Кирова, Якира, Тухачевского, Бабеля, Вавилова, Михоэлса (...продолжать ли список? Сколько десятков тысяч страниц потребуется для него?) сдвинулось бы, наконец, с мертвой точки?

Американцы, повторяюсь еще раз, поступают нехорошо. Но стоит ли допускать наших юристов к «ихним» секретным документам, если есть вполне серьезные основания полагать, что все они будут тут же перезасекречены уже у нас, и затем публиковаться по мере «государственной надобности»? И такой абсурд будет сохраняться до тех пор, пока мы не примем, подобно другим цивилизованным государствам, **закон о свободе информации**, четко оговаривающий признаки, почему (и на какой срок!) информация может быть признана секретной, и обязывающий рассекретить ее по истечении этого срока.

Т. РУСЛАНОВ,
г. Новосибирск.

Мост над пропастью

Ядерное противостояние двух блоков привело к признанию бессмысленности этого противостояния. Победа невозможна, инициатива самоубийственна, бессмертие человечества получило реальную гробовую альтернативу.

И хотя именно ядерный паритет, политика сдерживания обеспечили планете полвека относительной тишины, любому понятно, что это средство вынужденное, временное и ненадежное, что оно, даже при согласованных сокращениях и мораториях, не отменяет, а поощряет постоянное совершенствование смертоносного оружия и никак не гарантирует нас от распознания термояда, от упрощения его производства и использования.

Сокращение вооружений в условиях противостояния опасность, может быть, и смягчает, но не отменяет. Вот договоримся мы о 50 процентах, затем о 70 и даже 90 — но останется же какой-то минимум, необходимый для 100-процентного подавления противника. То есть ни нам, ни им не надо оружия для пятикратного уничтожения, но для однократного что-то должно сохраниться.

Сокращение не отменяет и прогресса научно-технической мысли. Ее, кроме тотальной Смерти, вообще ничто не остановит. И прекрасно. Не мысль надо отменять, а плохую политику.

Говорят о необходимом и достаточном для обороны арсенале. Но в ядерный век понятие «оборона» превратилось в нонсенс: если противник готовит ядерную атаку, естественно предупредить его превентивным ударом — но тогда кого же считать обороняющейся стороной?

Два барана сошлись над пропастью лоб в лоб, рога их сцепились и переплелись, так что если даже один другого и толкнет, то и сам туда же последует. А между тем на обоих наваливается мрачная скала, на которой зловещими буквами написано: «Экологическая гибель». Что настоятельно призывает сцепившихся раз-

вернуться к скале и упереться в нее **сообща.**

Ядерное противостояние двух блоков обесмыслило войну как средство достижения каких-либо целей, потому что теперь война возможна только ядерная и достигнуть при этом можно только тотальной гибели человечества.

Следовательно, средство одно — отменить противостояние.

Это означает отказ от вражды.

Раньше, помнится, говорилось о фатальной неизбежности войн между социализмом и капитализмом, затем фатализм отменили, но классовую непримиримость, которая с неизбежностью все-таки утвердит повсеместный социализм, оставили.

Но вот наконец высшими руководителями нашей страны провозглашено:

— мирное сосуществование двух блоков не есть форма классовой борьбы;

— общечеловеческие интересы выше классовых.

Отсюда следует:

— капитализм необязательно враждебен социализму (и наоборот);

— перед лицом общей проблемы возможно классовое сотрудничество.

Я думаю, это большой удар многих наших обществоведов и идеологов, пекущихся о должном уровне классовой ненависти в сердцах наших граждан, пишущих слово «запад» с постоянным эпитетом «гнилой», делающих весь мир на «они» и «мы», непрерывно вынюхивающих, кто там льет свою воду на ихнюю мельницу.

Итак: при всем принципиальном различии социально-экономических структур враждебность, антагонизм и противоборство между ними не неизбежны.

Можно сказать и еще: есть несколько общих задач, которые давно и настоятельно требуют объединения усилий, — экологический кризис, энергетический кризис, демографический кризис и т. д. — но среди них я вижу еще одну, мне наиболее

близкую: хозяйственный кризис в СССР.

Все, что я читаю об этом каждый день в каждой газете, наводит на мысль, что без помощи Запада нам из этой ямы скоро не вылезти, и продолжение линии военного противостояния означает не просто идеологическую тупость, но преступление перед страной.

Впервые в жизни оказался я в Европе, в Дании, посмотрел, как они живут, и совершенно четко ощутил: вот то будущее, которое должно быть нами достигнуто,— я имею в виду уровень благосостояния и бытовой культуры. То будущее, которое давным-давно заслужил наш многострадалный народ. Отсутствие очередей и присутствие любых товаров. Полная экономия той трети жизни и половины нервов, которые мы убиваем в наших магазинах. И когда я наугад прикидываю: ну, скажем, Эстонии до этого идти — при благоприятных обстоятельствах — лет пятнадцать? А Калуге? Пятьдесят? Обидно.

Какая там, к черту, вражда! Нам нужна их помощь: их кредиты, их товары, их технология — нам нужна и дружба, мы должны быть не соперниками, а партнерами — все равно друг без друга все эти наваливающиеся на всех нас кризисы мы не одолеем.

Тем более что, кроме идеологов той и другой стороны, смотрящих на конфронтацию как на закон природы, на пути — не к разрядке, нет, этого мало уже — к союзу — на этом пути обеим сторонам придется иметь дело с еще одной мрачной скалой, на которой зловещими буквами начертано: военно-промышленный комплекс.

В нашей печати как-то стыдливо принято считать, что это понятие только из ИХ обихода, между тем как на каждом шагу сталкиваемся мы с этим непомерно разросшимся чудовищем, пожирающим лучшие наши силы и мозги. И есть все основания предполагать, что ИМ свое чудовище обходится дешевле, причем оно

во многом превосходит нашу машину.

Да! «Машина»! «Чудовище», «Страшилище», «Пугало» — никаких других слов не заслуживает ни их, ни наша военная мощь, потому что, как сказано, пускать в ход термоядерный кулак невозможно, а нетермоядерным он быть не может. И вот висит он над миром бесполезной грязной тучей, все более наливаясь этой бесполезной смертельной грязью, и никакого уважения уже совершенно не внушает.

Война перестала быть средством политики.

Кулак, неспособный победить, — зачем он нужен?

Но, как заведенные, миллионы и миллионы людей изо дня в день работают, вкалывают, упорно трудятся — на войну, на всеобщую смерть, а точнее — на ничто, так как все-таки немислимо представить себе, а особенно теперь, что кто-то начнет...

Но этот гигантский **пустопорожний** труд вырабатывает гигантскую жизненную инерцию. Война кормит слишком многих, чтобы они так легко от нее отказались. И поэтому, вместе с отрядом классовых идеологов и надклассовых советологов, мыслящих только в терминах непримиримости, стоит еще дивизия военных чиновников, военных промышленников, военных инженеров, которые вообще ничего кроме войны делать не привыкли или не умеют. Вот чье могучее сопротивление почувствуют (и, как я догадываюсь, уже чувствуют) те, кто хочет реализовать всемирные мирные инициативы.

Есть ли, мыслим ли некий промежуточный шаг на дороге, ведущей, как мы видим, к необходимо полному откату от войны, как метода?

Мгновенное взаимное разоружение — утопия.

Сокращение в условиях противостояния — слабый паллиатив, так как сохраняет уровень, по-прежнему опасный для человечества и способный повыситься в любую минуту при малейшем колебании в сторону «холодно».

Единственное, что обезопасит оружие, сохранит его и обеспечит его неуклонное сокращение до нуля,— это слияние arsenалов.

Имеется в виду образование общего штаба, общих армий и флотов вместо противостоящих штабов и армий НАТО и Варшавского Договора.

Название этой армады стало бы чисто полицейским.

Командир — ООН.

И все это, кажется мне, не утопия, а единственный выход.

В условиях противостояния — армия, военные, все это теряет смысл.

В условиях союза они этот смысл обретают.

ООН — это первый вариант Всеземного парламента, точнее даже не вариант, а стадия. И год от года усилия Парламента все действеннее, а авторитет — весомее.

Отказ от противостояния обоих

блоков неизмеримо увеличит роль и действенность этого учреждения. При нем и сейчас имеется нечто вроде полиции — «голубые каски» не раз уже служили полезную службу в различных горячих точках.

Располагая объединенным ядерным арсеналом, ООН может гарантировать Земле надежный мир навсегда, пока наконец все человечество не привыкнет к ненасильственному образу жизни.

* * *

Эти заметки — попытка рядового читающего газеты москвича сформулировать теперешние свои ощущения ситуации и прикинуть ближайшую перспективу. Автор будет весьма рад, если его идеи получат какой-то отклик.

**Юлий КИМ, писатель,
г. Москва.**

Присягаем невыполнимому

Я, возможно, и не прав. Я не считаю себя компетентным в этих вопросах, но противоречие, которое сейчас приведу, слишком кричащее, чтобы пройти мимо него, и слишком опасное, чтобы отмахнуться. И то, что за этим стоит, меня очень тревожит.

В 1986 году М. Горбачев и Р. Рейган признали, что в ядерной войне не может быть победителей и что ядерная война принесет гибель всему человечеству. Такое понимание обусловлено исследованиями ученых обеих стран.

А вот отрывок из святой-святой — нашей воинской присяги:

«Я всегда готов... выступить на защиту моей Родины... Я клянусь защищать ее... не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Может ли наш солдат в условиях ядерной войны выполнить эту присягу — защитить Родину и добиться полной победы над врагами? Или уничтожение всего человечества это и есть победа? Тогда чем же она отличается от поражения? Такую «победу» даже пирровой не назовешь.

Интересно, как это все объясняют генералы себе и солдатам? Ведь как-то надо это объяснять. Нельзя же давать солдатам принимать присягу, которую они не в состоянии будут выполнить. Это значит, заранее обречь их на «суровую кару советского закона и всеобщую ненависть и презрение советского народа».

Или, может быть, товарищи генералы знают такую «военную тайну», о которой правительства и ученые не догадываются?

**Игорь СУДАК,
г. Чернигов.**

Следы клея

Вот уже тринадцать лет, как я живу в СССР, в новосибирском Академгородке. Во Франции остались сына родные, друзья; все эти годы мама и я, каждая со своей стороны, отправляем друг другу письмо раз в неделю. Она также присылает мне регулярно журналы и книги. Телефона у меня нет, и письма остаются единственным способом сохранить с ней контакт. Однако о каком диалоге можно говорить, если между отправлением вопроса и получением ответа проходит в лучшем случае три недели, а порой два-три месяца?

К великому своему сожалению, я вынуждена констатировать, что в так называемые «застойные времена» почта шла гораздо регулярнее. Я получила письма, отправленные по понедельникам, в четверг следующей недели, тогда как в последние три года письма, дошедшие за десять дней, можно сосчитать по пальцам, а задержки принимают фантастические размеры. Я могу на два, на три месяца оставаться без почты, а это трудно списать за счет так называемых «международных», а на самом деле сугубо советских праздников,— 8 марта, 1 и 9 мая.

Я возлагала определенные надежды на большой международный почтамт, открывшийся недавно в Москве. Но, увы, стало даже хуже! Недавно тяжело заболел сын, и обеспокоенные родители захотели хоть чем-нибудь помочь, срочно оформили мне вызов (я приняла советское гражданство и могу ездить за рубеж только по вызову, как все советские граждане)—вдруг потребуется срочная операция или сверхквалифицированная медицинская помощь? Воспользовались проверенным способом — отправили «заказным». Опыт показывал, что такое письмо доходит до меня за пять дней. Папа отправил его 2 июня в 12 часов дня (так гласит штамп), а получено оно было в Новосибирске

(штамп на обратной стороне) 23 июня!

Не лучше обстоит дело с бандеролями. Я потеряла счет конвертам со штампом, который гласит, что в силу такого-то постановления у меня изъято столько-то книг, журналов. (Долгое время я хранила конверт с таким штампом в надежде когда-нибудь узнать в юридической консультации, почему мне нельзя иметь каталог детской одежды). Справедливости ради скажу, что в последние два года таких сюрпризов стало меньше, правда, и моя мама научилась угадывать не посылать то, что заведомо не дойдет.

Когда я уехала сюда, многие близкие, побуждаемые самыми искренними чувствами, предупреждали меня, что мне как иностранке нельзя будет и шагу ступить, и слова сказать без того, чтобы об этом не стало известно во всемогущем и зловещем КГБ. Запугать им меня не удалось, и уже на месте я окончательно убедилась, что я не такая уж важная птица и выбросила всякую шпиономанию из головы. Я не могу привести вещественные доказательства того, что конверты и письма вскрывались, хотя некоторые конверты имеют следы такого конторского клея, о котором давно забыли во Франции. Если бы мне пришлось показать маме внешний вид конверта при получении, мне было бы трудно убедить ее, что письма не вскрывали.

Честно скажу, мне жалко тех, кто обязан по долгу службы копаться в моем белье, разбирать мой или мамин почерк и вести хронику простуд моих детей.

Итак, тринадцать лет общения с международной почтой в СССР побуждают меня задать следующие вопросы:

1. Почему сроки доставки международных отправлений, в том числе заказных, остаются такими большими и имеют тенденцию к увеличе-

нию, а не к сокращению? Почему нет службы срочной доставки?

2. На основе каких постановлений изымаются те или иные издания — существует ли точный текст или речь идет о размытых формулировках типа «литература, подрывающая устои...»?

3. Могли ли я с чистой совестью утверждать своим корреспондентам, что кроме меня никто не читал то, что они мне пишут?

Мишель ДЕБРЕНИ,
г. Новосибирск.

Общественный запрос

В 41-м номере еженедельника «За рубежом» опубликовано одно из предвыборных выступлений вице-президента США Джорджа Буша. Среди прочего там сказано: «Советы сейчас разрабатывают новые межконтинентальные баллистические ракеты СС-24 и СС-25. Так что даже в условиях перестройки модернизация Советских Вооруженных Сил, включая их исследования в области стратегической обороны, не замедлялись. Советские военные расходы продолжают расти».

Нетрудно догадаться — отчего воспреемник Рональда Рейгана, следуя его традиционной риторике, как и весьма неоднозначной (по своим стимулам и результатам) внешней политике, привлекает внимание избирателей к названным фактам. Но если это действительно факты, то они не могут не затрагивать, и самым кровным образом, советскую общественность.

Вопрос о военных расходах — отнюдь не частный. Не будет преувеличением сказать, что все дело обновления нашей жизни, успех или неуспех перестройки в возрастающей мере зависят от того, как решится этот вопрос. Будут ли неисчислимы материальные и человеческие ресурсы перетекать в военную сферу, либо этот поток переменит русло, разумно направляемый на удовлетворение потребностей населения СССР, начиная с хлеба насущного и включая затраты на излечение страны от экологических травм, на поощрение ищущей

мысли и дремлющих способностей людей, заботу об увечных и больных, сиротах и вдовах? Весь смысл перестройки в конечном счете и состоит в том, что вырастающие в ходе ее задачи признаны решаться не за счет развития, а напротив, стать принципиально новым, энергетическим импульсом к прогрессу и к социальной справедливости. Военные расходы таким импульсом не являются даже в наиболее богатых из промышленно развитых государств и очевидным образом не служат им у нас.

Другая, не менее капитальная сторона того же вопроса, — соответствие оборонных усилий новому курсу нашей политики, направленному на разрешение противоречий во взглядах и общественных устройствах, спорных и конфликтных ситуаций в мире невоенными средствами, притом не только в данный момент, но и на все обозримое будущее. Можно ли добиваться успеха этой политики, ознаменованной впечатляющими первыми шагами, одновременно умножая расходы на модернизацию оружия, на усиление убойной силы тех разновидностей его, которые будучи примененными даже в сугубо ограниченных пространственных пределах, способны, если не вовсе уничтожить жизнь, то по меньшей мере (как показал сценарий «ядерной зимы») покончить с высшими формами ее? Мы оставляем сейчас в стороне еще одну сторону, того же вопроса, к сожалению, пока для нас не ак-

туальную — о выделении солидной доли отечественных средств и ресурсов ради содействия суверенному развитию наиболее бедствующих регионов Африки и Азии. Но если в этой сфере, которая, вероятно, станет решающей в XXI веке, и допустимо увеличить усилия СССР без ущерба для соответственного развития, то источник этому, если не единственный, то главный — сокращение военных расходов.

Исходя из вышеизложенного, я предложил бы сделать **общественный запрос** министру обороны СССР от лица той или иной, действительно независимой общественной организации (например, ею могла бы быть «Московская трибуна»). В таком запросе следует предложить дать разъяснение нынешнего состояния проблемы военных расходов СССР и ближайших перспектив ощутимого сокращения их столь нужного народам нашей Родины и столь важного в великом деле замещения страха доверием на всей территории Земли. Кроме того, авторам запроса следовало бы твердо поддержать предложения, высказанные рядом общественных организаций и граждан СССР:

— об установлении действенного контроля конституционных институтов над военными расходами и их использованием;

— о создании с этой целью постоянной комиссии из депутатов Верховного Совета СССР, а также деятелей науки и других представителей общественности;

— об узаконении практики общественных запросов, адресуемых как по данному, так и по другим жизненно важным вопросам, — правительству СССР и главам государственных ведомств (с обязательством гласного ответа на них в срок, не превышающий месяца);

— о предоставлении реальной возможности для граждан СССР, занимающих то или иное служебное положение, в том числе в военном ведомстве и в органах госбезопасности, открыто выступать с альтернативными идеями и предложениями, которые могут и не совпадать в данный момент с позицией руководителей соответствующих ведомств и даже правительства СССР.

Михаил ГЕФТЕР,
г. Москва.

Двадцать лет назад, в 1968 году, академик А. Д. Сахаров положил начало обсуждению идеи конвергенции в СССР в своем трактате «Рассуждение о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе». Но и 20 лет спустя эта тема сохраняет какую-то болезненность для нашего общественного сознания. Ведь сближение двух великих мировых систем, капитализма и социализма, означает их историческое равноправие. Но можем ли мы отказаться от привычного для нас самосознания «всемирного авангарда»? Не ведет ли сближение систем к стиранию своеобразия каждой из них? Не теряем ли мы, вместе с верой в собственную исключительность, всякую веру вообще?

Разговор в редакции на эту тему начинают публицист Лен Карпинский, академик Андрей Сахаров и филолог Гасан Гусейнов. В следующих номерах мы надеемся продолжить этот спор.

Лен Карпинский:

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ПЕРЕСТРОЙКИ

Одно замечание относительно нашего отношения к понятиям, в том числе к понятию конвергенции. Дело в том, что в порядке присвоения всех средств общественной жизнедеятельности, сталинский «социализм» занимался также присвоением деформаций смысла научных категорий — для того, видимо, чтобы устроить из понятий пугало и использовать их как орудие преследования «инакомыслящих». То же выедание смысла и использование в корыстных идеологических целях произошло с понятием конвергенции.

Наше отношение к внешнему миру, другим народам, международному сообществу всегда тесно связано с нашими представлениями о собственном обществе и с внутренней политикой, идеологией. В этом смысле господствующее до сих пор представление о конвергенции есть нечто такое, что опрокинуто во внешние отношения по сугубо внутренним соображениям. Дело в том, что изначально, а потом в сталинизме про-

изошла подмена понятия пролетарского социализма. Для себя эту подмену я называю «пролетарствующим социализмом». Здесь от реальных классовых свойств пролетариата, обуславливающих особый «вход» этого класса в будущее (не такой, как это раньше мы себе представляли, а со многими оговорками), — от этой реальности классовых достоинств исчезает все, кроме одной идеи — идеи избранности, социального преобладания над всеми иными общественными группами. Идея вседозволенности и особой роли от имени и по мандату особого класса.

Можно сказать, что сталинизм есть концентрированное выражение застывшей избранности, уже независимой от реального соотношения и динамики общественно-исторических сил. Отсюда — идея партийной избранности, а внутри партии — аппаратной избранности, возрастающей по иерархической лестнице рангов. В конце концов, случай со Сталиным — это личный мандат на все-

ду двумя системами существуют отношения «кто-кого?» Имеем ли мы опять в виду, что мы все равно вытесним с карты планеты нашим обликом все остальные облики?

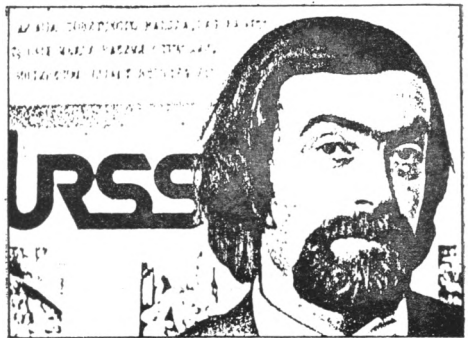
Оружие стало такое мощное, что и при сохранении антагонизма систем надо вести себя вежливо и решать все дела не с помощью войны, а с помощью переговоров — до этого уровня сосуществования и сотрудничества мы, кажется, дошли. Но ведь конвергенция — это другое понятие! Речь идет о содержательном сближении, о росте того общего, которое означало бы не просто взаимное терпение, а рост идентичных политических и экономических структур. Будет ли это общее, идентичное возрастать и постепенно сближать два социума, означая их объективное взаимопрораствание? Вот главный вопрос конвергенции. Я согласен с Андреем Дмитриевичем, что так оно и будет происходить, будет нарастать идентификация. Будет накопление элементов тождества — и в экономических, и в социально-политических формах. Вот подоплека объективная, фундаментальная конвергенция. Потому что если мы из стратегических соображений, ввиду «удлинения ножей», договоримся перековать мечи на орала, то при сохранении принципа неизбежного антагонизма и доминирования классовых интересов над общечеловеческими ценностями, эти орала могут быть опять быстро перекованы на мечи. Да и не удастся нам до конца сии мечи на орала перековать: каждый оставит что-нибудь про себя — без доверия, то есть вне убеждения в объективной возможности сближения обществ

В этом смысле ошибка старых идеологов конвергенции — Белла, Росту и других — заключалась в том, что они видели, главным образом, технико-технологическую подоплеку грядущего тождества по формуле: оба общества будут похожи друг на друга, как «два автомобиля, два холодильника, два телевизора».

Конечно, техника и технология — мощная сила универсализации. Но лишь техническое понятие конвергенции совершенно недостаточно. И вот я скажу — наша перестройка не только содействует конвергенции, она и есть внут-

ренняя интерпретация самого раннего процесса конвергенции. Потому что перестройка, которая касается реконструкции социализма, именно его экономических и политических структур, действительно приближает нас к тому, что создано мировой цивилизацией, в том числе и цивилизацией того же самого капитализма. И нечего бояться сказать, что, в известном смысле, перестройка является «реставрацией» цивилизационных достижений капитализма.

И что такое капитализм в своем позитивном значении? Это развитое разделение труда и всеобщая товарность, это найденный всеобщий эквивалент на базе такой величайшей категории, как стоимость. Это масса форм и институтов, позволяющих людям жить совместно, обмениваясь результатами своей деятельности в условиях нарастающей специализации труда. Я имею в виду прежде всего гениальное изобретение человечества — рынок. Как бы иной пропагандист ни заклинал, что назад к рынку «не пойдем», уж лучше тогда сказать, что не пойдем вперед к перестройке и ее не будет. Сколько можно игнорировать исторический материал? И слава богу, что мы сейчас идем опять к рыночному механизму, восстановлению экономических законов. А это что такое? Это — конвергенция. Мы возвращаем из материала цивилизации, в том

«Перестройка в нашем городе» — так называлась выставка работ московского художника Игоря Смирнова. На этой и последующих страницах мы публикуем несколько его рисунков с этой выставки.

Я взял эти два примера, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Мы не только вынуждены жить во всем вместе, но мы идентифицируемся во многих отношениях. Перестройка не только наш внутренний процесс, но это и

процесс конвергенции, родственного сближения, сколько бы ни ахали по этому поводу догматики, которым никогда не хочется слышать и признавать то, что им неприятно.

ПЛЮРАЛИЗМ — ЭТО КОНВЕРГЕНЦИЯ

Андрей Сахаров:

Здравый смысл заставляет нас исходить из того, что совершенно беспрецедентная ситуация, к которой пришло человечество в целом, требует и беспрецедентных решений, беспрецедентной теоретической непредвзятости, и только так можно выйти из губительного, угрожающего состояния.

Я уже неоднократно писал, что мое первое открытое общественное выступление «Размышления о прогрессе», исходило в числе других источников из опыта моего личного участия в разработке термоядерного оружия и ознакомления с проблемами термоядерной войны. Я безусловно убежден, что результатом большой термоядерной войны может быть лишь гибель цивилизации. Весьма вероятно гибель большей части людей на земле социальная и биологическая деградация всей оставшейся части человечества. Не исключена гибель всего живого на поверхности земной суши.

Я убежден также в безусловной необходимости ряда неотложных мер предотвращения опасности скатывания в пропасть большой термоядерной войны. То есть таких мер, как урегулирование региональных конфликтов путем компромиссов, глубокого разоружения, достижения равновесия и оборонительного характера в обычных вооружениях. Развитие доверия и духа сосуществования, станет возможным, и как только это сотрудничество в тех областях, где это станет возможным.

Вместе с тем я убежден, что в перспективе кардинальным и окончательным устранением опасности нашей всеобщей гибели является только конвергенция, сближение существующих в мире различных политико-экономических систем. Ликвидация потенциально крайне опасного политико-экономического и идеологического разделения современного мира.

Конвергенция является также, как я считаю, не только желательным, но в конечном счете необходимым условием решения грозных многоликих экологических проблем, а также проблем борьбы с голодом, болезнями, экономическими и социальными аспектами неравномерности общемирового развития, от которых страдает большая часть человечества. Решение, в частности, экологических проблем требует глубокого самоограничения, больших расходов, широкого международного сотрудничества. Все это не может быть осуществлено в достаточной степени в разделенном мире. То же относится и к другим глобальным проблемам.

Конвергенция тесно связана с экономическим, культурным, политическим и идеологическим плюрализмом. Если мы признаем, что такой плюрализм необходим и возможен, мы тем самым признаем необходимость и возможность конвергенции.

Конвергенция подразумевает отказ от догматизма капиталистической и социалистической идеологии в политико-эко-

номической и политической областях ради выживания человечества. В этом смысле идея конвергенции примыкает к основам нового политического мышления, принципом которого является безусловный приоритет целей выживания человечества над всеми государственными, национальными, классовыми, идеологическими, ведомственными групповыми и личными интересами.

Близки к целям конвергенции концепция открытости общества — особенно мне близкая, я больше всего развивал ее в своих работах, — а также в более отдаленной перспективе концепция общемирового правительства. Это все взаимосвязанные вещи, и анализируя теоретически проблему конвергенции, мы должны учитывать все эти аспекты.

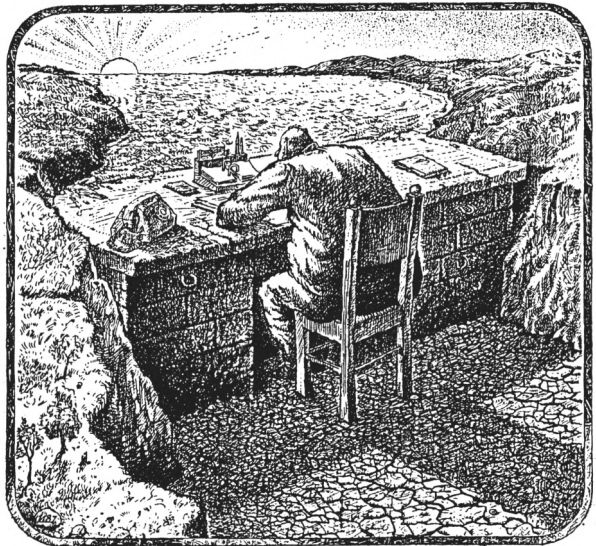
Если мы проанализируем основные тенденции в развитии современного мира, отвлекаясь от частностей и зигзагов, то мы увидим несомненные признаки движения в сторону плюрализма. В тех странах, которые мы называем западными или капиталистическими, во всяком случае во многих из них, наряду с частным сектором экономики возник сектор государственной экономики. Во всех западных странах созданы мощные механизмы государственного регулирования экономики, в значительной мере смягчающие характерную в прошлом цикличность развития. Возникли различные формы участия трудящихся в управлении и прибылях.

Чрезвычайно важно создание во всех странах Запада институтов социальной защиты населения. Это восходит к тому, что Ленин называл ллойд-джордизмом, но в настоящее время это стало всеобщим явлением. В Америке это был «новый курс» Рузвельта, в общем, это всеобщее явление, которое охватило все страны Запада. Вероятно,

мы можем сказать, что эти институты социальной защиты — они социалистические по своей природе, но они превосходят в странах Запада, по своей глубине и эффективности все то, что мы реально имеем в странах, называющих себя социалистическими.

Теперь об опыте социалистических стран. Он является безмерно трагическим и фактически продемонстрировал туловищность тех линий, которые в этих странах развивались. В ходе осуществления существующей в СССР системы были совершены чудовищные преступления, жертвами которых стали десятки миллионов людей. Быть может, искусственно созданный голод тридцатых годов — самый страшный пример этого. Это пример геноцида, осуществленного сталинским фашизмом. По жестокости и масштабам он стоит в одном ряду с преступлениями Гитлера или Пол Пота или, быть может, превосходит их.

За трагедией сталинизма, по известному афоризму Маркса, последовал фарс эпохи застоя. Административно-командная сталинская система социализма, антиплюралистическая система, основанная на партийно-бюрократической монополии, оказалась неэффективной. Стране угрожает участь выпадения из общеми-

рового прогресса, опасность оказаться на задворках мирового прогресса. Фактически уже длительное время наша страна стала как бы паразитом мирового прогресса — она усваивает, заимствует его результаты, но сама уже не является творческим участником общемирового научно-технического прогресса.

Система, создавшаяся в нашей стране, оказалась также социально ущербной. В результате всего этого перед социалистическими странами во весь рост встала неизбежность перестройки. И она уже началась в некоторых из них. Для меня очевидно, что истинная, глубокая перестройка означает в своей основе плюрализм в экономической и политической областях. Необходим, в особенности, слом административно-командной системы управления, истинная самостоятельность государственных предприятий, составляющих сейчас основной сектор нашей экономики.

Сейчас в Китайской Народной Республике доля государственного заказа близка к тридцати процентам. А у нас пока сто процентов, то есть фактически мы можем сказать, что это основное, первое направление перестройки в экономической сфере еще не началось.

Экономический плюрализм требует также развития кооперативных и частных форм производства. Без этого никакого плюрализма не будет, и мы реально понимаем, что без этого наша экономика будет продолжать хромать. Мы здесь также отстаем от того, что происходит скажем, в Китае, а также в некоторых других социалистических странах. Только с ликвидацией всех экономически неэффективных структур возможно преодолеть возникший тупик. Реальным и быстрым путем преодоления тупика в сельском хозяйстве, в области обеспечения продовольствием нашей страны, является роспуск всех неэффективных убыточных колхозов и совхозов. Сейчас для их поддержания отбирается прибыль у тех колхозов и совхозов, которые работают рентабельно и могут реально давать продукцию. Это совершенный экономический абсурд! Мешают тем, кто имеет экономические перспективы развития и помо-

гают тем, кто экономически бесперспективен. Надо именно их землю, их материальную базу использовать для кооперативных и частных форм производства.

Сейчас мы видим, что возникший при Сталине третий класс, класс партийно-государственной бюрократии бешено сопротивляется перестройке. Он карикатурирует ее, он ставит ей палки в колеса на каждом этапе. Мы видим, что даже подготавливая основные решения, этот чиновничий партийный аппарат вкладывает в них мины замедленного действия, которые могут их разрушить. Так произошло с косыгинской реформой середины 60-х годов — мы знаем, что Косыгин смирился с этой неудачей, и потом формально возглавлял наше правительство в эпоху застоя. Я надеюсь, что нынешнее политическое руководство страны не пойдет на такую участь.

Мы читаем массу примеров этого сопротивления. Мы видели это сопротивление и на XIX партконференции, где скрытые противники перестройки — явных противников мало — имели, к сожалению, большинство. Родовой признак этих скрытых противников перестройки — ненависть к свободной прессе, к гласности, и мы это видим на каждом шагу.

Что на мой взгляд, необходимо? Необходимо сочетание глубокого политического, экономического и идеологического плюрализма. Это и будет наше движение в направлении конвергенции. В СССР это время еще не наступило. Но, к счастью, политическое руководство нашей страны провозгласило политику перестройки, провозгласило системный подход в решении этих назревших задач, то есть в отличие от Хрущева, который не понимал системного характера, необходимости сочетания политических, экономических и идеологических изменений, новое руководство страны, несомненно это понимает. Лед тронулся, и я считаю, что перестройка необходима, и поэтому она неизбежно будет развиваться. Таково наше движение в направлении к конвергенции. Плюрализм — это конвергенция.

ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕГО ДОМА

Гасан Гусейнов:

Мы все — кто-то в большей степени, кто-то в меньшей — жертвы словесного фетишизма. Но та форма, тот размах словесного фетишизма, с которым сталкиваемся мы, имеет некоторые особенности. Одна из них — антонимичность мышления. Как только называется какое-то понятие, сознание тут же отыскивает антоним, то есть слово с противоположным значением. В условиях господства идеологии этот механизм мышления берется за основу, потому что для любой идеологии полезно и удобно разделить все существующее на две части, на два элемента. Не случайно в нашем сегодняшнем разговоре все время звучало «капитализм-социализм», «пока отбросим 3-й мир»...

В действительности, картина сегодняшнего мира сильно отличается и от той трехчленной структуры, к которой мы привыкли. Когда говорят о том, что есть капитализм, социализм и есть третий мир, не учитывают тех изменений, которые происходят на наших глазах на протяжении последних 20 лет. Что именно происходит?

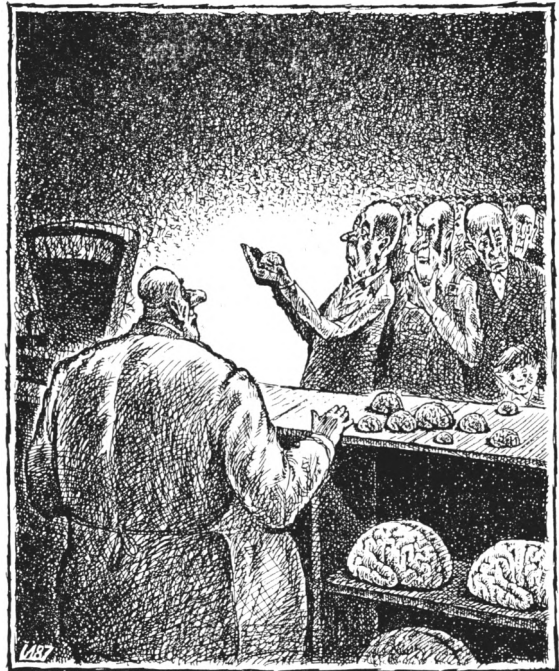
Во-первых, происходит абсолютное и относительное обнищание все большего числа так называемых развивающихся стран. Идет фашизация развивающихся стран. С другой стороны, обогащение небольшой группы азиатских стран — Ближний Восток и т. д.

И наконец, группа стран третьего мира — возьмем Бразилию в качестве примера: вот страна, тот тип, та модель, с которой нам предстоит конвергенция, если мы хотим избавиться от структурной отсталости.

Нашей стране не предстоит конвергенция с Европой, США или Японией. И в политическом, и в экономическом, и в

социально-бытовом плане нам предстоит конвергенция с такими сравнительно развитыми странами третьего мира, как, например, Индия, Мексика или Бразилия. Легко заметить, что общее у этих стран — огромная роль межнациональных конфликтов и способов их решения. Для нас это и есть магистраль конвергенции, то есть включения в мировую проблематику на равных.

Наше сознание этого ослаблено другим мифологическим противостоянием: «национализм-интернационализм». Первое плохо, второе, разумеется, хорошо. Между тем, из рассмотрения выпадает истинная альтернатива первому и второму, **космополитизм**. Послевоенная борьба с «космополитами» исключила

из обихода не только это слово, но и целый культурно-исторический мир. Первым космополитом в европейской культурной традиции был Сократ, в России—Александр Пушкин... Космополитизм—идеология общего дома и является, на мой взгляд, истинным решением проблемы конвергенции.

Суть космополитической идеологии проста: это взгляд на мир как на сообщество равноправных этносов, мир, в котором этносы, как и люди, не зависят в своем существовании, политических и культурных правах от милости какого бы то ни было другого народа или этносоциальной группы. Суть космополитизма не просто в том, что отечеством каждого человека является весь мир, так что собственный этнос оказывается для него лишь одной из семей в доме.

Космополитизм как идеология предполагает и здравый взгляд на территорию, занимаемую каждым этносом, равно как и на этносы, территорий компактного расселения не имеющие: это взгляд на землю не как на собственность этноса, а как на природный общий дом для сожительства разных народов.

Многовековая практика—опыт пребывания разных людей на одной территории—всегда начиналась с вражды, насилия (вытеснения или порабощения слабого), потом переходила к семейно-бытовой и хозяйственной интеграции, за которой в маятниковом порядке следовали культурное сотворчество и новая вражда. Патриотизм и интернационализм как идеологические программы вводят определенные рамки: здесь слабый подчиняется сильному, малочисленный растворяется в многочисленном, имеющий более древнюю или более развитую культуру снижает уровень цивилизованного соседствующего большинства.

Космополитизм снимает проблему национального насилия. Он призывает этносы считать себя не собственниками, но неотъемлемой частью сложившейся на данной территории экологической системы.

При современной скученности населения, нарастающей в большинстве пригодных для обитания регионов, изоляционистские идеи, привязывающие территорию к этносу как собственности к собственнику («малую родину» к ее патриотам-пигмеям), оправданы лишь в одном отношении: они внушают надежду на выживание в содружестве с экологической системой, стремящейся к некоему гомеостазу воды, земли, флоры и фауны региона. Космополитизм как идеология признает, что этносы занимаемая в этом гомеостазе свое необходимое место безусловно подчинены экосистеме как целому. Так семья подчинена родовому гнезду, где жили предки и будут жить потомки. Но космополитизм идет дальше этого признания и призывает народы, давшие территориям имена и названия, признать за потомками тех, кто очутится здесь много позже, неотъемлемые права—права части на целое, права сына на очаг отца. И наоборот: потомки тех, кого преступно изгнали с родины в тяжчайшие годы истории СССР, должны иметь безусловное право добровольного возвращения домой. Пусть не в тот же дом, где теперь живет ни в чем не повинная другая семья, но в тот же город, в тот же край. Даже редкие, исчезающие виды животных и птиц после разведения в неволе возвращают в родные места!

(Именно такого возвращения—для плодотворного межэтнического сотрудничества с потомками новых поселенцев—добиваются крымские татары. Без их рук, без их любви к скрытым бульдозерами кладбищам, без общего чувства восторжествовавшей справедливости едва ли удастся остановить культурно-хозяйственную деградацию Крыма и превращение этого края в курортную полупустыню).

Конечно, должны пройти годы и годы, прежде чем в массовом сознании угнездится понимание того простого обстоятельства, что «глина не спорит с горшечником», что выживание человечества как целого возможно только на пути сохранения устойчивых региональных экологических систем, обязательно включающих в себя подсистему межэтнического сотрудничества, сотворчества, глубокого взаимопонимания.

В качестве основы для такого взаимопонимания предлагаются два пути. Один — путь централизованного государственного насилия «для пользы дела», «во имя общегосударственных интересов». Это — старый, и многократно доказывающий свою ненадежность имперский путь решения межэтнических проблем, овященный лозунгами интернационализма: возникнув как антитеза идее имперской государственности, интернационализм сам стал лицемерной политической практикой. В настоящее время именно этим путем пытаются развязать, а на деле — еще туже затягивают Карабахский узел.

Существует ли другой путь? Путь внутренней конвергенции?

В чем, например, возможное космополитическое разрешение карабахского вопроса? Прежде всего в том, что найденное решение должно удовлетворять все без изъятия заинтересованные народы, в данном случае — не только азербайджанцев и армян, но и курдов, и русских и других жителей этого края, и ташкентских армян, и тбилисских, и все те десятки миллионов людей, что живут в инациональном окружении, испытывая острые приступы страха.

Получится ли решить проблему в ситуации, когда одну и ту же землю одни называют Карабахом, а часть других — Арцахом? Когда уже пролилась кровь? Да, может получиться. Необходимо только сначала сформулировать принципы выживания. Первый — и самый очевидный — это наличие региональной этно-культурной общности, связанной единой экосистемой, более су-

щественной для данного региона, чем даже языковые и даже религиозные различия. Общая территория и общее отечество возможны и при самой глубокой этноязыковой несхожести!

При навязывании большим и малым этносам одинаковой принадлежности державе, где «старший брат» раздаст всем сестрам по серьгам, борьба за мнимую государственность требует пролития всамделишной крови. Но равная подчиненность региональной экосистеме Земли — во тот фундамент, на котором, по мере сокращения бюрократического централизма, возможно создание жизнеспособных федераций народов — «ми-

МНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ

(«АРМИЯ И ОБЩЕСТВО», № 9, 1988 г.)

На наш взгляд, сам факт проведения «круглого стола» на тему «Армия и общество» имеет исключительно важное значение. Дискуссии подобного типа нужны и для нашего социалистического общества в целом, и для его армии. Интерес к этой теме вполне закономерен. Однако хотелось бы высказать несколько замечаний о характере дискуссии, начавшейся на страницах журнала «Век XX и мир» как, впрочем, и о характере ряда аналогичных публикаций в центральной прессе по этой проблеме.

Ряд участников дискуссии в своих рассуждениях об армии оперирует не столько научными понятиями и категориями, сколько терминологией обывательского сознания. Уход в сферу эмоций хотя и эффектен внешне, но не приближает нас к выяснению истины, которая, по словам А. С. Пушкина, «сильнее царя» и стремление к которой должно всех нас объединять.

Складывается впечатление, что негативное отношение к армии, ее людям и воинской службе становится сегодня столь же модным литературным и публицистическим приемом, как и собственная интерпретация евангельских сюжетов. В то же время армия становится объектом так называемой «крикошетирующей критики». Некоторые участники «круглого стола» (а также и авторы ряда публикаций в периодической печати) акцентируют внимание на армии как на источнике социального зла и дополнительных социальных проблем в социалистическом обществе (бездуховность,

снижение образовательного уровня, экономические трудности, милитаризация определенных сфер жизни общества и т. д.). Следуя подобной логике, немудрено винить за случаи обсчета в торговой сети возложить на школьных учителей математики. Не проявляется ли в этом боязнь прямой критики политической системы социалистического общества, конкретных шагов и решений политического руководства на различных уровнях власти? Конечно, проще сосредоточить огонь критики только против армии как одного из социальных институтов. Но неизменным остается положение о том, что армия — это сколок с общества: реальные противоречия и проблемы общества — это одновременно противоречия и проблемы его армии. Что лежит в основе «лобовых» атак на армию? Методологический просчет или некомпетентность, а может быть, и политическая конъюнктура? Трудно сказать. Одно несомненно — это своеобразный показатель отсутствия еще подлинно социалистического плюрализма мнений в наших дискуссиях, боязнь называть вещи своими именами.

Мы, как профессиональные военные, против возвращения к старому положению вещей, когда армия была зоной, недоступной для критики. Но одновременно мы не можем оставить без внимания попытки противопоставить социалистическую армию социалистическому обществу, представляя ее в качестве некой консервативной силы.

Всякая критика должна быть кон-

структивной, а не строиться по упрощенной схеме отдельных молодежных «трибунов»: «Воины все равно не будут», «Военные — бездельники», «Армию разогнать!».

Остановимся далее на некоторых теоретических проблемах, поднятых на «круглом столе».

За последние годы значительные изменения произошли в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни советского общества. Эти изменения (в сочетании, конечно, с внешнеполитическими факторами) и определяют характер и направленность дальнейшего развития Советских Вооруженных Сил. Очевидна необходимость создания научно обоснованной теоретической модели современной социалистической армии и четкой концепции ее реформы. Учитывая особую «деликатность» проблемы обеспечения безопасности страны, было бы ошибочным действовать по известному принципу: «Сначала ввяжемся в бой, а там видно будет...»

Представляется необходимым продолжение серьезных теоретических исследований роли и места военной мощи в структуре совокупной мощи социалистического государства. Эти выводы должны явиться методологической основой конкретных шагов политического руководства для принятия решений о приоритете экономических, политических, идеологических, дипломатических или собственно военных средств обеспечения безопасности страны в той или иной конкретно-исторической обстановке.

Видимо в ближайшем будущем и теория, и практика советского военного строительства должны быть модифицированы в соответствии с реальностями современной военно-политической ситуации, отраженными в современной советской военной доктрине. Исходными принципами советского военного строительства, на наш взгляд, должны быть:

а) гарантированная защита от нападения извне;

- б) разумная достаточность;
- в) экономическая эффективность;
- г) политическая целесообразность.

Вопрос о структуре, численности и способе комплектования Вооруженных Сил требует тщательной проработки. Какой быть армии в будущем? Останется ли она массовой, регулярной армией, будет ли признана наиболее оптимальной милиционная или кадрово-милиционная система ее комплектования, или на повестку дня встанет вопрос о профессиональной армии, комплектуемой на добровольной основе? Очевидно одно — какая бы модель ни была принята за базовую (подчеркнем особо, что выбор этот зависит не только от нашего субъективного желания, но и от существующих реалий — экономических, политических, идеологических и пр.), необходимо учитывать некоторые принципиальные положения:

— между армией мирного времени и армией военного времени (угрожаемого периода) есть отличия как по численности, так и по структуре;

— отсюда необходимость сохранения и совершенствования системы военной подготовки трудящихся, на какие бы конкретно органы и организации таковая ни была возложена (справедливости ради отметим, что сложившиеся сегодня формы этой работы зачастую неэффективны и громоздки);

— и еще один вывод: воспитание советских людей должно включать в качестве органичного компонента формирование четких представлений о роли и месте армии в жизни социалистического общества, об объективной необходимости использования военных средств обеспечения безопасности страны (при этом можно принимать или не принимать термин «военно-патриотическое воспитание» — суть дела от этого не меняется).

В последнее время довольно часто звучат призывы начать в одностороннем порядке демонтаж наших военных и оборонительных структур чуть ли не в качестве жеста «доброй воли». Однако давайте вспомним старую истину: «По-

литика — это искусство возможного». Всякое забегание вперед в политике может привести к непредсказуемым последствиям. Неправоммерно период военно-стратегического равновесия и наметившуюся тенденцию к уничтожению и сокращению отдельных видов наступательного оружия смешивать с периодом разоружения как всеобъемлющего международного процесса, носящего необратимый и однозначный характер. Нецелесообразно определенный, закономерный этап изменения армии (ее количественных и качественных параметров) смешивать с тенденцией к полному исчезновению как общественного института. Неразумно отрицательное эмоциональное восприятие милитаризма принимать в качестве достаточного аргумента ненужности армии в современных конкретно-исторических условиях.

Надо реалистически отдавать себе отчет в том, что современная политическая ситуация еще далека от такого состояния мирового сообщества, при котором применение военных средств было бы исключено полностью. Сохраняются источник войны в лице империализма и источник военной опасности в лице классов, государств, социальных групп, проводящих политику материальной и идеологической подготовки новой мировой войны. Невозможность достижения победы в мировой ракетно-ядерной войне воспринимается ими как явление временное, выход из данной ситуации ищется на путях дальнейшего совершенствования средств ведения войны. И отказываясь от «образа врага» как представления об абстрактных «американцах», «немцах», «англичанах» и т. д., мы должны видеть реальные политические силы, противостоящие стремлению человечества жить в мире, стремящиеся «законсервировать» состояние его политической и экономической разобщенности.

Стремление желаемое выдать за действительное, перспективы достижения безъядерного ненасильственного мира представить в качестве достигнутого характерно к сожалению для некоторых наших авторов. Вследствие этого,

серьезный анализ реалий ракетно-ядерной эпохи подменяется риторикой.

Интересной и своевременной, с точки зрения развития процесса демократизации нашего общества, является постановка вопроса о возможности использования армии в борьбе за власть внутри страны (хотя подобная постановка вопроса и сам термин «борьба за власть» по отношению к социалистическому обществу кое-кого может и шокировать). Но ведь использование или угроза использования военной силы в процессе смены политического руководства — это реальность, подтвержденная фактами нашей истории. В этом случае армия выступает одновременно и в качестве субъекта, и в качестве объекта политической борьбы. Очевидно дело здесь не столько в самой армии, ее характеристиках, сколько в наличии или отсутствии действительного демократического механизма смены высших эшелонов власти. Принципиальное значение имеет и создание в обществе морально-психологической атмосферы, ограничивающей спектр и возможности использования армии внутри общества в политических целях. Может быть, стоит иметь для решения специфических внутренних проблем специальные вооруженные образования типа «рабочей милиции» или «национальной гвардии» с четко определенным конституционным статусом.

И еще с одним нам очень трудно согласиться. Среди определенных кругов творческой интеллигенции в последнее время чуть ли не признаком хорошего тона стало обвинять военных людей в «милитаризации мышления». Это совершеннейший абсурд. Профессиональные военные именно в силу специфики своей деятельности трезво представляют возможные последствия современной войны. Да и образ мышления все же больше зависит от головы, чем от того, в какое платье — военное или партикулярное — облачен ее владлец. Да, реалитивы милитаризации политического мышления действительно имели у нас место. Но где их источник? Наверное, прежде всего в той административно-бюрократической машине, которая сло-

жилась в силу известных причин в 20—30-е годы и функционировала вплоть до середины 80-х годов. Именно она генерировала силовые импульсы в сфере как внутренней, так и внешней политики.

В заключение выражаем надежду на продолжение дискуссии на страницах журнала и возможность ознакомления

с самым широким кругом мнений по обсуждаемым проблемам.

Подполковник БАЛАБУШЕВИЧ В. Ю.,
подполковник СИПКО А. А.,
преподаватели марксистско-ленинской философии,
г. Новосибирск.

ПОЧТА

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КЛУБ?..

Хочу поделиться несколькими мыслями о сохранении мира на Земле. **О военном воспитании молодого поколения, подготовке его к службе в армии в нашей стране.**

Еще Л. И. Брежнев провозгласил на партсъезде, что армия у нас является лучшей школой для молодых ребят. Эта политика продолжается и во времена перестройки. Парни допризывного возраста с любовью надевают солдатскую форму б/у, живут в казарме, ходят строем и увлеченно овладевают искусством убивать, как это, скажем, было показано 30.04.88 г. по первой программе ЦТ в передаче «Семеро смелых или... атака».

Или взять публикуемые с пониманием и сочувствием интервью с отслужившими срочную службу ребятами, которые уверяют, что армия сделала их людьми. Любопытный, однако, механизм формирования людей! И как тут не задуматься, что ожидает наших парней в обозримом будущем в случае достижения соглашения с потенциальными противниками о серьезном сокращении армий и вооружений. Кто тогда вместо армии займется их воспитанием?

Понятно, что до гарантированного всеобщего мира неблизкий путь и стране нужна боеспособная армия. Это вынужденная, суровая, печаль-

ная необходимость. Но к чему культ казармы, военной муштры и шагистики? И способствует ли упомянутая телепередача и ей подобные массовые, повсеместные мероприятия созданию в мире представления о СССР как о миролюбивом государстве.

А воспевание кровавого афганского боевого братства. Да, многие советские военнослужащие в Афганистане храбро воевали, немало их погибло. Но ведь не доказали еще народу наши руководители, что ввод советских войск в декабре 1979 года и последовавшие сразу за этим убийства тогдашнего афганского руководителя Амина и его близких были основаны на международном праве, что военное вторжение и непосредственное участие в гражданской войне не были трагической ошибкой. И не для того ли воспевают ныне подвиги воинов-интернационалистов, призывая их воспитывать подрастающее поколение, чтобы оставался сухим порох в пороховницах для будущих интернациональных боевых походов?

О правах и свободах человека в стране и мире, их связи с военной безопасностью.

Говорят, что нужно уважать право каждого народа на выбор социально-политической системы, что в

мире есть различные системы человеческих ценностей, что нельзя под прикрытием лозунгов о правах человека вмешиваться во внутренние дела других государств.

На первый взгляд, все верно. Однако имеются такие безусловные общечеловеческие ценности, как жизнь, свобода, стремление к счастью, истина, добро, милосердие. Эти ценности должны уважаться всеми государствами, всеми политическими режимами. Есть практически признанная всем мировым сообществом Всеобщая декларация прав человека и другие международные соглашения о правах человека. Соблюдение их не является внутренним делом того или иного государства.

И крайне опасными для мира на Земле являются нарушения именно политических прав и свобод граждан. Не в ЮАР, Чили, Парагвае или, скажем, в Албании или Северной Корее, а в СССР, США и КНР. Разумеется, международному сообществу не могут быть безразличны расизм в ЮАР или жестокости диктаторских режимов Пиночета и Стресснера. Но скажем прямо, что ЮАР или Чили всерьез не могут (даже при желании их руководителей) угрожать всеобщему миру. Другое дело, — великие державы. Если народы в СССР и США — странах с громадной военной мощью — не будут запросто пользоваться **политическими** правами и свободами, если они не смогут реально осуществлять

контроль за своими политическими руководителями, всеобщий мир будет крайне непрочен.

Поэтому людям всей Земли вовсе не безразлично, как соблюдаются сверхдержавами политические права граждан, могут ли граждане этих стран реально влиять на политику своих правительств. Следовательно, соблюдение политических прав граждан в этих странах не является частным делом их правительств и народов. Соответственно зарубежные требования о соблюдении указанных прав и свобод нельзя считать необоснованным вмешательством в чужие внутренние дела.

Наш всеобщий мир зыбко держится на взаимном страхе противостоящих военных блоков перед всеуничтожающей мощью ядерного оружия. Ну, а что будет, если ядерное оружие будет уничтожено или запасы его будут значительно сокращены? Тогда всеобщий мир сможет держаться только на взаимном доверии Запада и Востока, только на повсеместном уважении общечеловеческих ценностей, на безусловном уважении сверхдержавами элементарных политических прав и свобод своих граждан, на жесткой подконтрольности государственной политики-прошественному общественному мнению.

Л. ЩЕРБАТЫЙ,
г. Борислав
Львовской обл.

О стройбатах

Присоединяюсь к тем авторам, которые выступая в «круглом столе» (№ 9/88), ратуют за серьезную реформу Советской Армии, ее профессионализацию и сокращение. Это пра-

вильный путь. И если мы выступим за него, то в первую очередь надо избавиться от такого явления, как **стройбат**, — системы принудительного труда под видом службы в Советской Армии.

А. НАУМОВ,
г. Благовещенск.

„Ясная поляна“

Из материалов самодеятельного журнала толстовского движения в СССР

Журнал «Ясная поляна» не собирается претендовать на обладание абсолютной истиной. И мы сожалеем, когда кто-нибудь берется утверждать это о себе или о том исповедании, к которому себя причисляет. Это ведет к нетерпимости и фанатизму. Журнал лишь будет стараться находить то доброе и светлое, что рассыпано повсюду, как бы различно люди ни называли. Мы верим, что все исходит из одного источника.

— То, о чем вы говорите, наверно, можно назвать толстовством?

— Пожалуй можно сказать о ненасилии, свободном поиске истины и, конечно же, о том, что все люди братья. Не ограниченное определенной формой оно проявлялось то в движении земледельческих коммун во всем мире, то в ненасильственном сопротивлении и во многом другом. В лихолетье 30—40-х годов физически почти уничтоженное в России, оно в то же время некоторыми своими сторонами расцвело на индийской земле в форме гандизма, сатьяграхи. В определенной степени оно проявилось и в движении американских негров под руководством Мартина Лютера Кинга...

— Может быть, ваш журнал можно назвать правозащитным?

Защита прав — дело важное. Но не надо забывать и об обязанностях. Мы предполагаем уделять в журнале больше внимания именно обязанностям; не пресловутым «почетным обязанностям», но тем неизменным обязанностям, которые имеет человек по отношению к человеку, по отношению к жизни.

— И еще один, теперь весьма популярный, вопрос: каково ваше отношение к перестройке?

— Это явление — не случайность. Перестройка, можно сказать, назрела нравственно. И это закономерный процесс: где-то он, в силу каких-либо причин, вскрывается раньше, где-то — поз-

же. Но люди пробуждаются от гипноза вождизма, будь то здесь или в Китае, Северной Корее или в Албании. Не могут все пробудиться одновременно, но как для отдельного человека, так и для определенных человеческих сообществ, процесс этот неизбежен.

ВЧЕРА: РЕАБИЛИТИРУЙТЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО!

Заявляю: я, Моргачёв Дмитрий Егорович, член толстовской сельскохозяйственной коммуны, оставшийся в живых из немногих друзей и последователей Л. Н. Толстого. Был арестован в группе десять—двенадцать человек в апреле 1936 г., был осужден в ноябре 1936 г. Срок заключения — три года трудовых лагерей.

В ноябре 1937 г. приговор суда был отменен «за мягкостью» во время культа личности Сталина.

Было и второе следствие. Состоялся и вторичный суд по этому же делу в апреле 1940 г., то есть через четыре года после ареста. Срок был увеличен до семи лет трудовых лагерей. По отбытии срока незаслуженно был закреплен за лагерем по директиве 185 работать по найму, где еще проработал три года. Всего отбыл десять лет.

Коммуна из друзей и последователей Л. Н. Толстого переселилась в Сибирь на основании решения Президиума ВЦИК от 1930 г.

И еще к вопросу об определении понятия «толстовство»; взгляд читателя из Киева:

«Толстой не является единственным автором толстовства, растушего с незапамятных времен, вобравшего в себя лучшие достижения человечества, развивающегося и сегодня. И всех нас обнимает, охватывает собой, как планету ноосфера, беспартийное, бесформенное толстовство, отнимающее уверенность в том, кто дальше, а кто ближе из нас, и оставляющее радостную догадку, что все мы — люди. Таким мне видится толстовство — где членскими взносами является совершенствование, девизом — наши первые слова в младенчестве, гербом — наши первые детские рисунки, гимном — наши тихие мысли, обращенные к Жизни, наказанием — муки совести, поощрением — робкая улыбка ближнего».

Георгий МЕЙТИН,
редактор «Ясной поляны».

Понимаю, это звучит для многих странно. Ненасилие, не — противление... Знаю, что упоминание даже этих слов вызывает у многих снисходительную, иногда презрительную, улыбку. И, к сожалению, в некоторых случаях, когда нет ни малейшего желания хотя бы постараться понять, что стоит за этими понятиями, может быть не улыбка, а даже раздражение. Жаль... Но, как бы то ни было, разумеется и то, что в мире, где насилие укоренилось на стольких уровнях, во стольких сферах жизни, очень и очень непросто от него отказаться или даже только прийти к подобной мысли. И в то же время, именно потому, что так зловещи последствия насилия, все больше людей приходит к убеждению о необходимости отказа от него. И, прежде всего, в своей личной жизни.

Если мне говорить о себе, то должен признать, что я не был особенно предрасположен к ненасилию. В детстве, в школьные годы, как и многие другие, я играл в войну и, не задумываясь, ел

мясо. Мне нравились кинофильмы, в которых **красиво, геройски** изображалось насилие. Мне тоже хотелось быть таким же, как герои этих картин, так же владеть приемами избиения, так же ловко владеть оружием. Все это было. Процветавший среди моих сверстников культ силы увлекал и меня. Жалость казалась позором, жестокость — доблестью.

Правда, в жизни я чувствовал, что не могу ударить человека по лицу, хотя мог восхищаться тем, как это делается в кино. В кино это получалось так ловко и красиво! Где-то внутри я все же чувствовал, что это — дикость. Но стыдился своих чувств, считал это слабостью.

Между тем, у меня было много врагов, я их боялся и ненавидел. Однажды в драке с одним из них я бил и по лицу; из этой драки я вышел со сломанным пальцем...

Постепенно я стал приходить к убеждению о недопустимости насилия. Я стал внимательно всматриваться в жизнь и замечать, что насилие не уничтожает зло, а наоборот, увеличивает. В то же время все больше открывалась мне взаимосвязь и единство жизни в Боге. Я стал видеть в людях и во всем то же начало, что и во мне, то, что всех и все объединяет. Я чувствовал; что начало — благое начало, и в каждом живом существе стремление к благу. А все остальное — лишь проявление его. И как я могу сознательно причинить зло другим, как можно убивать или научиться этому?

Со всеми учителями у меня стали очень хорошие отношения и лишь с учителем по начальной военной подготовке сохранился скрытый, иногда выходящий наружу конфликт. Тогда же, к концу школы, я перестал есть мясо, это случилось без какого бы то ни было принуждения, без усилия, а отпало само, стояло только более прямо, без самообмана, взглянуть на страдания животных.

«Если все вдруг откажутся от всякого насилия, то что же будет? Если никто не будет защищать страну, придут враги и будут жечь и убивать!». Надо заметить, что такие доводы приводятся верующими в насилие во всех странах.

ВЕРУЮЩИЕ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Бруно КОППЬЕТЕРС
(Бельгия)

В марте прошлого года Комиссия ООН по правам человека приняла резолюцию, признающую право на отказ от несения военной службы в качестве законного осуществления общепризнанных прав на свободу мнений, совести и религии. В эту резолюцию была также включена рекомендация всем странам-членам ООН ввести альтернативную гражданскую службу. Резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Советский Союз при голосовании воздержался. Это стало для многих приятным сюрпризом, поскольку в прошлом СССР всегда выступал против подобных шагов.

Для объяснения нынешней позиции Советского Союза было выдвинуто несколько версий. Некоторые наблюдатели посчитали, что для того, чтобы предотвратить нанесение серьезного урона своему престижу, СССР попытался избежать изоляции при голосовании. Значительная часть международного движения за мир, действительно, рассматривает права лиц, отказывающихся от несения военной службы по религиозным убеждениям, в качестве важного критерия оценки текущих реформ, проводимых в Советском Союзе. Другие попытались найти объяснение в переориентации советской политики в области безопасности, а также в новой политике гласности. Официальные лица из Советского комитета защиты мира выразили надежду на заключение новых соглашений по контролю над обычными вооружениями. Это сделало бы возможной демобилизацию десятков тысяч людей призывного возраста как на Востоке, так и на Западе, причем для лиц, отказывающихся от несения военной службы, появилась бы надежда обрести легальный статус. Как счи-

тают, Советский Союз, воздержавшись при голосовании, занял выжидательную позицию, учитывая возможность развития событий и в этом направлении.

Как бы то ни было, резолюция, принятая Комиссией ООН по правам человека, стала важным событием для тех людей в Советском Союзе, которые отказываются от несения любой военной службы по причине своих пацифистских взглядов. Для них сделан важный шаг по пути к восстановлению того права, которое пацифистские группы получили в Советской России после Октябрьской революции. 4 января 1919 года Советское правительство (Совет Народных Комиссаров) обнародовал декрет, предоставлявший всем пацифистам по религиозным убеждениям право на альтернативную гражданскую службу и даже, при определенных условиях, полное освобождение от военной службы.

Начало, дававшее надежды...

Принятие этого декрета означало признание большевиками установившейся в России традиции отказа от насилия. Пацифистские секты (меннониты, адвентисты и духоборы), отдельные члены протестантских религиозных общин (например, баптисты) и приверженцы учения Толстого о «непротывлении злу насилем» были настроены резко против милитаризма царского правительства, и Ленин всегда считал их фактическими союзниками большевиков. После Октябрьской революции пацифистские группы образовали «Объединенный совет религиозных общин и групп». Этот Совет стремился добиться юридического признания права на отказ от военной службы по религиоз-

ным убеждениям. Уговорить Ленина было легко.

Терпимое отношение, как предполагалось, должно было укрепить социальную базу нового режима. Кроме того, были и экономические причины для союза с пацифистскими сектами. Например, меннониты были не только многочисленной (насчитывавшей более

ста тысяч членов), но и состоятельной сектой. Советская Россия, понеся серьезный ущерб во время первой мировой и гражданской войн, могла с пользой применить их технический опыт в сельском хозяйстве. Более того, этот декрет не противоречил марксистской критике религии. Ленин не одобрял религиозные концепции отказа от наси-

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

1. Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользующей работой по выбору самого призываемого.

2. Народный суд при постановлении своего решения о замене воинской повинности другой гражданской обязанностью запрашивает экспертизу Московского «Объединенного совета религиозных общин и групп» по каждому отдельному делу. Экспертиза должна простирается как на то, что определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе, так и на то, что данное лицо действует искренне и добросовестно.

3. В виде изъятия «Объединенный совет религиозных общин и групп» по единогласному своему решению вправе возбуждать особые ходатайства перед Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о полном освобождении от военной службы, без всякой замены ее другой

гражданской обязанностью, если может быть специально доказана недопустимость такой замены с точки зрения не только религиозного убеждения вообще, но и сектантской литературы, а равно личной жизни соответствующего лица.

Примечание. Возбуждение и ведение дела об освобождении определенного лица от военной службы предоставляется как самому призываемому, так и «Объединенному совету религиозных общин и групп», причем совету предоставляется право ходатайствовать о рассмотрении дела в Московском народном суде.

**Председатель Совета Народных
Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ (Ленин).**

**Народный комиссар юстиции
Д. КУРСКИЙ.**

**Управляющий делами Совета
Народных Комиссаров
В. БОНЧ-БРУЕВИЧ.**

**Секретарь
Л. ФОТИЕВА.**

Москва, Кремль. 4 января 1919 г.

лия, однако он не считал подавление подходящим средством борьбы с такими идеями. Доктрина, провозглашавшая отказ от насилия, как было тогда сказано, являлась в основном отражением культурной отсталости. Ленин полагал, что при революционной перестройке всей общественной структуры эта «реакционная» доктрина исчезнет сама по себе.

После революции в юридической системе Советской России царил хаос, что в значительной степени затрудняло соблюдение этого декрета. Народные суды и военные власти не всегда его выполняли. Многие лица, отказывавшиеся от несения военной службы, были приговорены к тюремному заключению, некоторые из них были даже казнены. И все же тысячи лиц призывного возраста получили возможность воспользоваться этим декретом в первые послевоенные годы.

...разрушенные Сталиным

С начала 20-х годов между «Объединенным советом религиозных общин и групп», которому было предоставлено

право влиять в определенной степени на всю процедуру, и Советским правительством существовал конфликт. Правительство обвиняло Совет в том, что он, не удовлетворяясь защитой тех, кто отказывался от несения военной службы по религиозным убеждениям, злоупотреблял своими полномочиями, занимаясь подделкой документов и пропагандой пацифизма. Эта деятельность, как заявлялось, вела к ослаблению советского режима. Затем Совет был отстранен от участия в процедуре. Начиная с 1923 года, лишь членам тех пацифистских сект, которые выступали против военной службы еще до Октябрьской революции, предоставлялось право на альтернативную службу. Отдельные пацифисты из числа членов других религиозных общин (например, баптистов), следовательно, исключались.

При Сталине право на отказ от несения военной службы по религиозным убеждениям было раз и навсегда отменено. В глазах Сталина пацифизм был не только реакционным, но и противоречащим социализму. Следова-

Альтернативная служба

Обращаюсь к вам с чувством искренней дружбы и уважения. У нас в Финляндии все с интересом следят за жизнью вашей страны и положительными переменами, происходящими сегодня в Советском Союзе. Но меня очень волнует судьба тех советских юношей, которые отказываются от службы в армии — в силу религиозных или моральных убеждений — и подвергающихся за это тюремному заключению. Говорят, им дают до семи лет?..

Насколько я знаю, в Польше сейчас обсуждается законопроект, по которому предполагается ввести трехлетнюю альтернативную военную службу для тех, кому приверженность к философии ненасилия не позволяет идти в армию. Дискуссии о возможности введения таких альтер-

нативных служб все шире и шире ведутся сейчас даже в Венгрии и ГДР. Хочу также напомнить вам — со всем моим уважением — статью 3 и 18 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающие право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, а также право на свободу мысли, совести и вероисповедания.

Для всех, кто испытывает к вашей стране самые добрые чувства — а я и сама отношусь к числу таких людей, — будет очень радостно узнать о том, что и у вас возможна альтернативная ненасильственная служба; эта весть придаст нам надежды.

Очень прошу вас приложить все усилия для этой цели.

Искренне ваша

Лиза ТОЙВАНЕН,
г. Турку, Финляндия.

но, его требовалось искоренить всеми возможными средствами. Более того, секты оставались замкнутыми сообществами, а в таком виде они не подходили под разработанную Сталиным государственную структуру. Сельскохозяйственные кооперативы, образованные членами религиозных сект и последователями учения Толстого, которые в начале 20-х годов все еще получали поддержку Советского правительства, также не сочетались с введенной Сталиным политикой коллективизации в сельском хозяйстве. В 30-е годы многие члены сект были насильно изгнаны из деревень и вывезены в Сибирь или на бесплодные земли на Севере. Многие из них, лишившись имущества и попав в тяжелые условия, погибли. Вследствие этих репрессий, религиозные и культурные особенности пацифистских сект были в значительной степени утрачены.

В настоящее время в Советском Союзе среди христиан по-прежнему существуют традиции пацифизма. Лиц, отказавшихся от несения военной службы

по религиозным убеждениям из числа христиан, регулярно приговаривают к длительным срокам тюремного заключения. Не считая группу пацифистов-христиан, движение за мир в СССР сегодня включает в себе также людей, отказывающихся от несения военной службы по иным, нерелигиозным мотивам.

Пока не ясно, собирается ли новое партийное руководство при Горбачеве признать право на отказ от несения военной службы. Позиция СССР, воздержавшегося во время голосования в Комиссии ООН по правам человека,— это, возможно, первый позитивный шаг к восстановлению тех прав лиц, отказывающихся от несения военной службы, которые они получили после Октябрьской революции. В 1989 году проблемой отказа от военной службы снова будет заниматься Комиссия ООН по правам человека. Хочется верить, что Советский Союз на этот раз не будет воздерживаться при голосовании, а не двусмысленно выступит в поддержку признания всеобщего права лиц на отказ от несения военной службы.

ПОЧТА

„Нельзя людям убивать“

Я пишу это письмо, чтобы поделиться с вами своей озабоченностью судьбой молодого эстонца и попросить вас помочь ему. Его зовут Таави Кууск. Он арестован по обвинению в «нарушении правил призыва на действительную воинскую службу» и приговорен к двум годам и трем месяцам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Молодой человек принадлежит к деноминации Свидетели Иеговы и отказался от воинской службы по своим религиозным убеждениям.

Скажите, а не мог ли бы ваш журнал начать дискуссию о праве граждан на отказ от воинской службы по духовным убеждениям? Не могло бы государство обеспечить альтернативные военной службе формы призыва тех, кто по действительно духовным убеждениям не может служить в армии? Во время

прошлой войны в Британии подобным людям была предоставлена возможность работать водителями скорой помощи и санитарями.

Может быть, вам будет интересно узнать, что моя дочь Джейн Кантиш недавно перевела ряд религиозных эссе Толстого, и этот сборник был опубликован издательством «Пингвин». В одной из работ там речь идет о крестьянине, отказавшемся от службы в царской армии, так как «Господь не велит. Нельзя людям убивать». (Я и сам придерживаюсь этой веры).

Возможно, идеи Толстого могут послужить отправным пунктом для интересной дискуссии об «отказе по убеждениям». И пожалуйста, помогите этому молодому эстонцу, который, действительно, является узником совести.

Ф. КАНТИШ,
г. Колчестер, Великобритания.

Две перестройки

Виктор АРСЛАНОВ

В борьбе со сталинизмом мы подобны людям, пытающимся вытащить себя из болота, ухватившись за собственные волосы. Чем яростнее попытки, тем кажется больше погружаемся в трясины. Происходит, по-моему, оживление некоторых тоталитарных черт именно в антисталинской полемике и практике. Этот сидящий даже в искренних «перестройщиках» внутренний деспот — наиболее опасен, ибо он усиливается за счет демократии, пользуясь ее слабостями. И необходима самая беспощадная, самая откровенная критика самой демократии, вернее, того в ней, что по сути антидемократично. В этой связи вспомним забытого Энгельса: «Рабочее движение основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших собственных рядах?»

Есть внутренняя связь между крайним, чрезмерным, «зрящим» отрицанием и недемократическим отношением ко всем реальным проблемам общества. Я не воскрешаю жупел «критиканства», которым пугали вчера. Дело в том, что именно «критиканство» стало одним из средств сохранения бюрократии, средств духовного подчинения людей запугиванием и развращением их сознания. К сожалению, значительная часть субъективно вполне честной интеллигенции добровольно и с энтузиазмом приняло участие в этой недостойной игре. Одна из причин — слабость и незрелость нашей общественной мысли.

Вполне присоединяюсь к пожеланию

Дмитрия Фурмана — «не упрощать себя» (№ 8/88 — «Что мы потеряли и чего мы ищем?»). Да, «любая революция, любая резкая и внезапная демократизация общественной жизни неизбежно первоначально означает упадок культуры», и у нас после Октября этот упадок «должен был быть особенно большим». Итак, причины упадка могут корениться — до известной степени — в прогрессивных общественных движениях? Слава богу, начинаем, кажется, принимать во внимание ленинскую мысль о том, что крестьянский большевизм был подчас густо замешан на черносотенстве. Но следует ли из этого, что большевизм неизбежно ведет к господству черносотенства, а подъем демократии — к фашизму?

«Источник сталинизма, — пишет Д. Фурман, — это перебравшийся в город мужик, бывший красноармеец». Но неужели мужицкий демократизм — источник сталинизма? Нет, я думаю, что этот источник — черносотенство, глубоко засевшее в народе и вышедшее наружу вместе со стихийным большевизмом. Самую большую опасность для революции представляло это смешение большевизма с черносотенством, а спасение демократии было бы в разделении их, в отделении народа от его привычного рабства.

Наиболее радикальные представители западной левой критической теории довели идею отождествления большевизма и черносотенства, мужицкого демократизма и сталинизма до ее логического конца. Согласно, например Т. Адорно и М. Хоркхаймеру, фашизм — это крайнее порождение разума и стремления к свободе. Не в шутку они утверждали, что за Освенцим интеллеktуальная и моральная ответственность

самосохранения, пресечения активности самого народа. Отсюда робкие попытки некоторых либеральных реформ, демократическая фразеология и антидемократические указы. Либеральная интеллигенция, будучи идеологическим ядром административной системы, приняла наиболее активное участие в ее перестройке. Она открыто заявила о своем союзе с «перестраивающимся» бюрократом против «низов». Отсюда идеи, согласно которым все зло в прошлом,— от революционной активности масс. Отсюда уверения в том, что получившие кое-какое образование, ездящие по заграницам функционеры нового образца — источник обновления общества. На словах они вполне искренно выступают за демократию, за пробуждение активности масс. Им бы хотелось, чтобы народ боролся за дисциплину труда, с энтузиазмом поддерживал правительственные реформы. Однако вместо этого снизу идут какие-то совсем не нужные и угрожающие перестройке (в ее либеральном по-

нимании) требования: крымские татары «эгонистически» настаивают на решении своего вопроса, армяне в Нагорном Карабахе — своего, рабочие требуют радикальных мер против коррупции...

В этой ситуации многие либералы приходят к логичному, с их точки зрения, заключению, что вообще все движения снизу опасны для культуры, прогресса, порождают с неизбежностью либо фашизм, либо сталинизм. Сегодня либерал насаждает подобные идеи при поощрении перестраивающейся административной системы. Уже объявлено всенародно, что от идеи социальной справедливости следует отказаться в пользу индивидуальной свободы. Но так уж бывало не раз. Дайте индивидуальную свободу либеральной интеллигенции, и она не по приказу, а по велению души докажет, как вредны и пагубны требования справедливости снизу.

В самом деле, после февраля 17-го года разве не стремились национальные окраины в ущерб для демократии

британский тэтчеризм, который, кстати, некоторые английские политологи определяют как «авторитарный популизм», выдвигает фигуру сильного, авторитарного лидера. И этот лидер провозглашает заведомо простые решения сложных проблем, рассматривает мир как арену борьбы черных и белых сил — или, говоря соответствующим языком, демократических и недемократических государств. Вообще элементы мифа имеются в любой идеологии.

Октябрь, который, по выражению В. И. Ленина, поднял «наинизшие низы» к историческому творчеству, одновременно создал благоприятную почву для расцвета мифологического мышления. Вековые крестьянские утопии, идеи социальной справедливости и всеобщего равенства, казавшиеся, были на шаг от воплощения. Царство абсолютной истины — в пределах достижимого! А иррациональный подход к достижению этих целей вылился в знаменитую формулу: «Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики!» Мы знаем теперь, как это отразилось и на ре-

зультатах первой пятилетки, и на ходе коллективизации — и на нашей с вами, следовательно, судьбе. Утопия все не наступала... и появилось самое простое объяснение — происки врага. Вот вам социально-психологические предпосылки раскулачивания, «спецсредства», а там — и «ежовщина»... Для мифологического сознания как раз характерно стремление искать (и находить) повсюду происки «темных сил», имеющих почти демоническую природу и действующих во всемирном масштабе.

Но если бы мифологическое сознание господствовало лишь в 20—30-х или 50-х годах, или даже в пресловутую «эпоху застоя»! Посмотрите внимательно на оживившиеся в последнее время общественное движение. Да, сталинизм основан на мифе, но ведь складывается уже и обратный, **антисталинский миф!** Сталину придают демонические черты, он воплощение Абсолютного зла просто потому, что такова его природа. А попытки отыскать объективные предпосылки сталинизма порой являются попыткой оправдания. Да это

отделиться от России? «Против чего же собираются протестовать финские социалисты? — писала меньшевистская газета «День» в августе 17-го, — Против самого демократического правительства в мире? Если в последнюю минуту финские социалисты не сознают всей нелепости предпринятого ими похода против русской демократии, то тогда у русского правительства найдутся способы уважать свою волю». Эти способы нашлись: финский сейм был разогнан силой оружия, зато уважение к «самому демократическому правительству в мире» стало рушится с катастрофической быстротой.

А русские рабочие? Меньшевики-оборонцы в ноябре 17-го писали: «Если бы раньше не тратилась такая бездна времени на митинги и на искусственно обостряемую социальную вражду, если бы рабочим массам было внушено, что только напряженная деятельность их собственного труда, увеличение его производительности могут обеспечить рабочих от безработицы, теперь не было

бы катастрофы...». А поскольку катастрофа все же по вине неразумного народа произошла, то что же делать? Стянуть эти анархические массы железным обручем дисциплины, заставить их трудиться. И меньшевик пошел к Колчаку...

Накануне Октября Зинаида Гиппиус писала в своем дневнике: «Цинично-наивный эгоизм дезертиров, вызываемый проповедью большевиков, конечно, хуже всяких «воинственных» настроений, которые вызывала царская палка. Вскрывается животное отсутствие совести... Оказать им (массам — В. А.) милосердие — это сейчас значит: дать им власть. Человеческую — но настоящую власть, суровую, может быть, жестокую, — да, да, не побоюсь сказать жестокую, по своей прямоте, если это нужно». Спасение дела февраля, доказывала Гиппиус, в немедленной замене оскандалившегося, завравшегося, всем ненавистного Коренского твердой властью генерала Корнилова.

И эту желанную либеральной интел-

ПОЧТА

еще не самый опасный миф, хотя и симптоматичный... Своя мифология у групп типа «Народный фронт». И своя — у общества «Память». Порой мифология приобретает особо опасную окраску — националистическую. Все проблемы объясняются негативным воздействием «чужаков» (азербайджанцев, армян, русских, евреев...). В нашей многонациональной стране, где проблем действительно не перечесть, и все они серьезны, это может привести к непредсказуемым, страшным результатам. И уже приводит...

И все же мифологическое сознание не всеильно. Сейчас о «годах застоя» часто говорят как о времени, когда размывались идеалы социализма. Это, конечно, верно, но у процесса есть, как всегда, и обратная сторона: в первую очередь размывались мифологические идеалы. Толчком послужили хрущевские годы, опрокинувшие миф, а последующая эпоха нового мифа создать не смогла. Дилетантски насаждаемый «культ личности» Брежнева превра-

тился в один нескончаемый анекдот, за которым шла тихая работа мысли, готовившая перестройку.

Общественно-политическое движение будет расти и взростеть. И вскоре перед ним во весь рост станет альтернатива: или, оставаясь на почве рационального сознания, оно одновременно останется сравнительно узким по своим масштабам и социальной базе, или оно выработает свою мифологию (социальную, экологическую — такая тоже уже есть! — или, упаси боже, националистическую). Но тогда будет потеряно, может быть, главное завоевание — свободная мысль. Ибо мифологическая мысль при любой демократии свободной быть не может.

Итак, «иногое не дано»?

А, может быть, столь жесткая альтернатива — тоже проявление привычно мифологического подхода? Значит, надо искать третью... пятую... сотую альтернативу?

Значит, надо!

А. ГОЛУБЕВ,
г. Орел.

лигенции сильную власть она получила,— правда, не в 17-м году, позднее, и ее олицетворением оказался не царский генерал, а **большевик, физически уничтожавший большевизм** — в соответствии с традициями бонапартов прошлого. Напомню слова компетентного свидетеля, Н. Мандельштам: «Мы некогда испугались хаоса, и вдруг все сразу взмолились о сильной власти, о мощной руке... Слепцы, мы сами боролись за единомыслие, потому что в каждом разногласии, каждом особом мнении нам снова чудилась анархия и непреодолимый хаос. И мы сами помогали — молчанием или одобрением — сильной власти набирать силу...»

Нагорный Карабах ставит всех нас, все общество перед выбором. Или подавить рождающийся снизу неуправляемый «хаос» сильной рукой — или помочь стихийно и неизбежно рождающимся снизу движениям приобрести сознательный характер, помогая воспитанию и самовоспитанию людей на собственном опыте. Не берусь заранее предрешать, какой выбор будет сделан. Берусь только объяснить, почему наши даже радикальные перестроенные авторы «не заметили» Карабаха, не оценили этого звонка истории во всем его значении. Речь не о том, почему не появилось в печати статей на эту тему Н. Шмелева или Ю. Карякина, а о том, почему они не внесли корректив в свои платформы под влиянием нового фактора.

Дело в том, что либеральный вариант перестройки не состыковывается с Карабахом или подобными ему, зреющими сегодня, стихийными движениями снизу. Этот вариант опирается, по моему, на экономический фетишизм, отвлекается от важного факта, открытого Марксом: экономика — это **отношения людей, а не вещей**. Нельзя произвести революционных изменений в обществе и в экономике посредством одних экономических реформ, как бы радикальны они не были. Без изменения сути и структуры власти, кооперативы и аренда, призванные демократизировать систему, превращаются в средство стабилизации и усиления той же административной системы. Стоит ли удивляться тогда, что последовательный либерал

Николай Шмелев пришел к выводу о необходимости возрождения ВЧК в экономике? Подобная метаморфоза имманентна либерализму.

Власть народа в кабинетах не рождается, ее нельзя вырастить в пробирке. Ни Парижская Коммуна, ни Советы не были выдумкой Маркса или Ленина. Эти движения снизу родились стихийно. Суть марксизма — в понимании народного творчества и способности придать ему сознательную форму. Суть всякой недемократической власти — подавление тех стихийных движений снизу, в которых есть защита реальных интересов народа. А когда прямое физическое насилие уже не помогает, то остается один путь: опора на элементы народного черносотенства. Фашизм пришел к власти на почве хаоса, порожденного, в немалой степени, либерализмом.

Почему не срабатывают в должной мере такие важные элементы демократии, как гласность, выборы руководителей на предприятиях и т. д.? И Энгельс, и Ленин доказывали: только демократическая власть может обеспечить демократические выборы, в противном случае, гласность — новое средство внесения хаоса в сознание людей и манипуляции этим сознанием.

Сложившаяся у нас система государственного социализма без фактической власти народа делает всех рабами анонимных сил. Все тотально зависимы, и никто не может пошевелить пальцем, не может защитить свое достоинство без риска быть раздавленным. Такая система — не воск, из которого воля реформатора вылепит то, что хочет. Это, скорее, стекло, неподатливое пальцам скульптора. Оно может рассыпаться все сразу, но не поддаться усилиям реформаторов, вооруженных «обратной логикой».

Управляемым обществом станет тогда, когда власть научится понимать и развивать стихийно рождающееся народное творчество. Даже при скудной официальной информации видно, что в Нагорном Карабахе вновь рождается идея и практика Советов. Возможно и даже очень вероятно, что там есть и национализм, и другие опасные тенденции. Так почему бы не сделать эту те-

му предметом общественного исследования и обсуждения? Какое великодушное средство воспитания и самовоспитания всех народов, прежде всего русского, упущено!

Пока мы все скованы одной цепью, от нас не так уж многое зависит. Но каждый человек, поскольку он вменяемое существо, все же может сделать выбор: учиться у народа и не сметь командовать — либо продолжать подавление любой самостоятельности снизу, с перспективой «взрыва котла», за которым последует новый бонапартизм. Карабах является предметом этого выбора — и может стать средством

объединения всех честных людей по главному, в гражданском смысле, вопросу. Если это объединение станет реальностью, то перестройка, выходя из-под власти либерально-фетишистского самосохранения административной системы, осуществит обещанное: революционное изменение постсталинского общества на принципах социалистической демократии. А если в нашем обществе еще не созрела сила сплочения и сознания, то история не остановится, она, как и раньше двинется вперед — мучительным кружным путем, мостя черепами убитых дорогой прогрессу.

ПОЧТА

Патриоты без погон

Нужно ли особое «военно-патриотическое» воспитание? Считаю, что такое понятие патриотизма сужает его: патриотизм ориентируется исключительно на сферу военного противостояния иным народам и государствам. Такой патриотизм уместен в годы войны, когда спасение Родины находится в руках ее вооруженных защитников. Но в годы длительного, глубокого, всеобщего мира? В условиях немыслимости войны для всех разумных людей? Не является ли такое понимание патриотизма реакцией допустимости войны как продолжения политики? Ведь сохранение мира военными средствами противоречит новому мышлению: мир может быть сохранен только политическими, мирными средствами.

Говорить нужно именно о **мирно-патриотическом** воспитании молодежи. Следует воспитывать у молодежи то, чего у нее не хватает: понимание ценности человеческой личности и каждой человеческой жизни, осознание мира как абсолютного блага, не имеющего альтернативы. Военное воспитание должно быть, но должно быть умеренным, занимать достаточно скромное место и вестись в контексте мирного воспитания.

Военным психологам стоит задуматься, чем вызвана жестокость драк между подростками в наших горо-

дах, чем вызвана жестокость «неуставных отношений» в армии. Советский молодой гражданин-гуманист, преданный Родине, уважающий другие народы, не нуждается в воспитании чувства «патриотической ненависти» к кому-либо. Привитое с детства сознание справедливости, чувство любви к Родине вызовут в момент опасности возмущение и даже ненависть к тем, кто поднял на Родину руку.

Наш патриотизм одет в военный мундир и наслаждается могуществом Вооруженных Сил. Но к чему похвальба без экономического могущества? Отставание нашей экономики, науки, просвещения, здравоохранения и многого другого не вызывает, увы, благодетельного чувства — национального стыда. Маркс сравнивал нацию, испытывающую стыд, со львом, готовящимся к прыжку. Развитая наука, промышленность, сельское хозяйство, здоровый и образованный народ — вот основа истинной безопасности.

Молодежи требуется мирно-патриотическое воспитание: гуманистическое, демократическое, правовое. Составной частью мирнопатриотического воспитания является воспитание защитников Советской Родины.

Владлен ИВАНОВ,
г. Ленинград.

Как стать миром?

(Фантазия на тему неформалов)

Алла ГЛЕБОВА

Ленинградские экскурсоводы вдохновенно декламируют Пушкина. А место из «Медного всадника» про окно в Европу цитируют неохотно.

Я гляжу на «Петра творенья» из окна экскурсионного автобуса. С опаской наблюдаю державное течение Невы: говорят, невские воды грозят купальщикам новейшими заболеваниями. Вижу строительные леса, навечно опоясавшие целые кварталы, кишащий народом Невский, озабоченные, бледные лица ленинградцев, очереди у магазинов «Вино» и «Мясо», поблекшие дворцы, похожие на брошенные театральные декорации. Я думаю: «Велики были старания Петра, но и этот великий просчитался. С окном в Европу у него не вышло». И вот уже строители дамы, которая по мнению многих превратит Финский залив в грязный отстойник, призывают тень Петра, как главного единомышленника: это его, Петра, идея защитить город от наводнений. А Пушкин сказал, как припечатал. И про российский стиль жизни, и про российские устремления. Меняются нравы, правительства, строй — стиль один: Россию вздергивать на дыбы. А Россия, словно безумный Евгений, нет-нет да и погрозит власти кулаком. С неизменно печальными для себя последствиями.

Автобус, большой зверь, загнанный в тесные ущелья улиц, наконец, вырывается из городского лабиринта. «Проспект Просвещения», «Площадь Культуры» — Ленинград выродился в свои окраины. Вот они — наша культура и просвещение! Итог мучений, предел желаний — моя семья в бетонной упаковке. Но стоило ли так мучаться? Что

есть история России, как не беспрестанные, бесплодные попытки прорубиться в мир? Грозили шведам, грозили всем — мировой революцией. И вот уже у шведов социализм, а мы все бьемся над петровскими проблемами. Кто мне неискушенной в поисках истины, необремененной памятью и специальными знаниями объяснит, чтобы я поняла — как слиться с миром? Как стать миром?

Мы, экскурсанты, на Исаакиевской площади. За нами — знаменитый собор, жемчужина Монферрана, перед нами — забор. За забором — умные иностранные машины и занавешенный полиэтиленом, как памятник перед открытием, фасад здания.

Экскурсовод: «На этом месте стояла старая гостиница «Англетер», последнее на земле пристанище российского поэта Есенина. Снесена в 1987 году. Фасад «Англетера» воспроизведен полностью. Работы ведет финская строительная компания...»

И тут экскурсовода перебивают. «А что у вас здесь случилось — у «Англетера?»

Минуту назад у спросившего были усталые, пресыщенные созерцанием культурных ценностей глаза, а теперь — он словно проснулся.

«Первый удар бульдозера был по тому краю дома, в котором жил Есенин. Многие плакали, кричали, пытались прорваться к зданию. Но милиционеры стояли глухой стеной. Как их только не называли! А они смеялись нам в лицо, издевались над болью, которой у них не было. Бульдозер справился со зданием еле-еле.»

градец по профессии. Миша пришел к власти в Думе в результате англетеровских событий. Его выбрала ленинградская уважающая свою городскую культуру общественность. Так же, как девять других ветеранов англетеровского движения.

Начинается неформальное заседание. Миша: «Убедительная просьба говорить по существу. Политические проблемы мы не обсуждаем, этим занимаются в клубе «Перестройка». Предложение по совершенствованию оргструктуры просьба изложить письменно».

Заседание длилось полчаса. Слушали: о недостаточности экокультурной обстановке в зоне Достоевского, о проведении субботников в Павловске, о мерах, которые необходимы для убеждения архитектора такого-то в том, что он не прав. В заседании принимала участие мужская шляпа. Для сбора денег в пользу девушек, оштрафованных за сбор подписей, ее пустили по рукам.

А, быть может, не такие уж чудачки эти неформалы? Если бы Мишу Талала выбрали в городские власти, я бы от такой власти не отказалась.

Но хватит ли у неформалов терпения (и денег!) воспитывать власти неформальным путем? Ведь и диссиденты не хотели конфронтации.

Должно хватить, — говорит Лена. — Русским надоело умирать.

«Демократический союз» — политическая партия, выступающая за парламентскую демократию, многопартийную систему. Ленин и его партия — небольшая кучка никому неизвестных людей и не имевшая широкой поддержки в народе».

(Из интервью лидера «ДС» в отделении милиции.

«Ленинградская правда», 1 ноября 1988 г.)

«В помещении Общества охраны памятников истории и культуры активистами общества «Память» был зверски избит поэт Александр Богданов и его мать, пришедшие на лекцию об Александре Невском».

(из неформальных источников)

«Еще чуть-чуть и строительство дамбы через Финский залив будет завершено, — говорит научный эксперт неформального

объединения «Мир и экология» при ленинградском отделении КЗМ Александр Юрьевич Агарков — последствия для города самые серьезные. Но формировать общественное мнение чрезвычайно трудно. Люди живут проблемами даже не сегодняшнего дня — текущей минуты. Если рабочие, например, стремятся на вредные производства, чтобы больше заработать, то стоит ли удивляться, что экологические мероприятия собирают втрое меньше народа, чем митинги «Демократического союза?»

Нет, надоело умирать лишь неформальным русским. Поэтому вы, Лена, говорите:

— Глоток свободы — и смотрите, как возродились наши национальные окраины. А мы — русские? Все та же бесовщина. Все та же душевная сумятица, умиление перед Западом, поиски врага. Кто находит еврея, кто коммуниста, кто «Память». И все вроде при деле. И это похоже на то, что снова нас, как пешки на шахматной доске, переставили в удобном порядке. И мы с привычной злобой громим и обличаем. И я даже не знаю, кто агрессивнее — «Память» или мои симпатичные, умные знакомые, которые побросали все свои дела и посвятили себя борьбе с «Памятью». Тогда как самое действенное оружие — это, по-моему, независимая печать. Ее у нас нет. Поэтому шестнадцатый номер «Меркурия» будет целиком посвящен «Памяти» — оригинальные материалы, стенограммы митингов, интервью с Д. Васильевым.

— Но не будет ли такая публикация долгожданной рекламой?

— Лучшая реклама — разгромная газетная кампания. Метод недомолвок, выборочного выдергивания цитат скомпрометировавший нашу официальную прессу, вызывает эффект, обратный желаемому. А о «Памяти» надо писать еще и потому, что это первая — первая! — группировка людей, которая открыто заговорила о трагедии русского народа. И горе нам, русским, что мы запятнали себя антисемитизмом, что русские отождествляются с советским.

Сегодня как никогда очевидно: можно перестроить все, кроме эмоционального состояния. Зло, накопленное десятилетиями, изливается и будет изливаться

Вот оно решение петровской проблемы, вот она формула свободы: стань миром — и войдешь в Мир. Стань миром — и не нужно никуда прорубаться.

«Вольная республика!» — вот как хотелось бы ответить на вопрос: «Что случилось у «Англетера»?»

Но будут ли вздергивать на дыбы, если не грозить кулаком? Укрепятся ли неформальные традиции настолько, что...

«Это нереально,— качает головой Лена Зелинская. — Мы, неформалы, реалисты».

ВОПРОС — ОТВЕТ

Вокруг „Лопухинской“ Библии

Являясь прихожанином Русской Православной Церкви, я весьма озабочен положением, сложившимся вокруг распространения так называемой «Лопухинской» Библии — Толковой Библии в трех томах, изданной недавно на Западе на пожертвования западных христиан и в качестве подарка преподнесенной русским верующим к 1000-летию Крещения Руси. Основной смысл был в **бесплатности и доступности**.

И вдруг Московская патриархия стала продавать эти книги, да не как-нибудь, а по 350—450 рублей! Это не может иметь оправданий. Западные да и понимающие ситуацию наши христиане возмущены такой бестактностью и обманом.

Прихожанин Русской Православной Церкви, художник В. ВИЛЬДЕ.

По просьбе редакции письмо нашего читателя комментирует Управляющий делами Московской патриархии митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир:

По благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, книги, подаренные нашей Церкви, в том числе и толковые Библии под редакцией проф. А. П. Лопухина, распределяются по Епархиям, монастырям, Духовным школам, храмам и церковным библиотекам — бесплатно и за плату. Русская Церковь, кроме общих расходов на содержание Духовных школ, на выплату пенсий и пособий церковным пенсионерам и др., тратит в настоящее время огромные средства на реставрацию вновь открывающихся храмов и монастырей, на расширение сети духовных школ и учи-

лищ по подготовке церковнослужителей и т. д.

Существует договоренность с теми, кто дарит нам церковную литературу, о том, что мы будем продавать ее, и вырученные средства пойдут на неотложные нужды Церкви, главным образом на строительство Свято-Троицкого храма-памятника 1000-летию Крещения Руси. Для его возведения Исполком Моссовета выделил пять гектаров на южном берегу Нижнего Царицынского пруда, в районе улицы Баженова. 13 июня 1988 года состоялась освящение и закладка первого камня. Заказаны первые проекты.

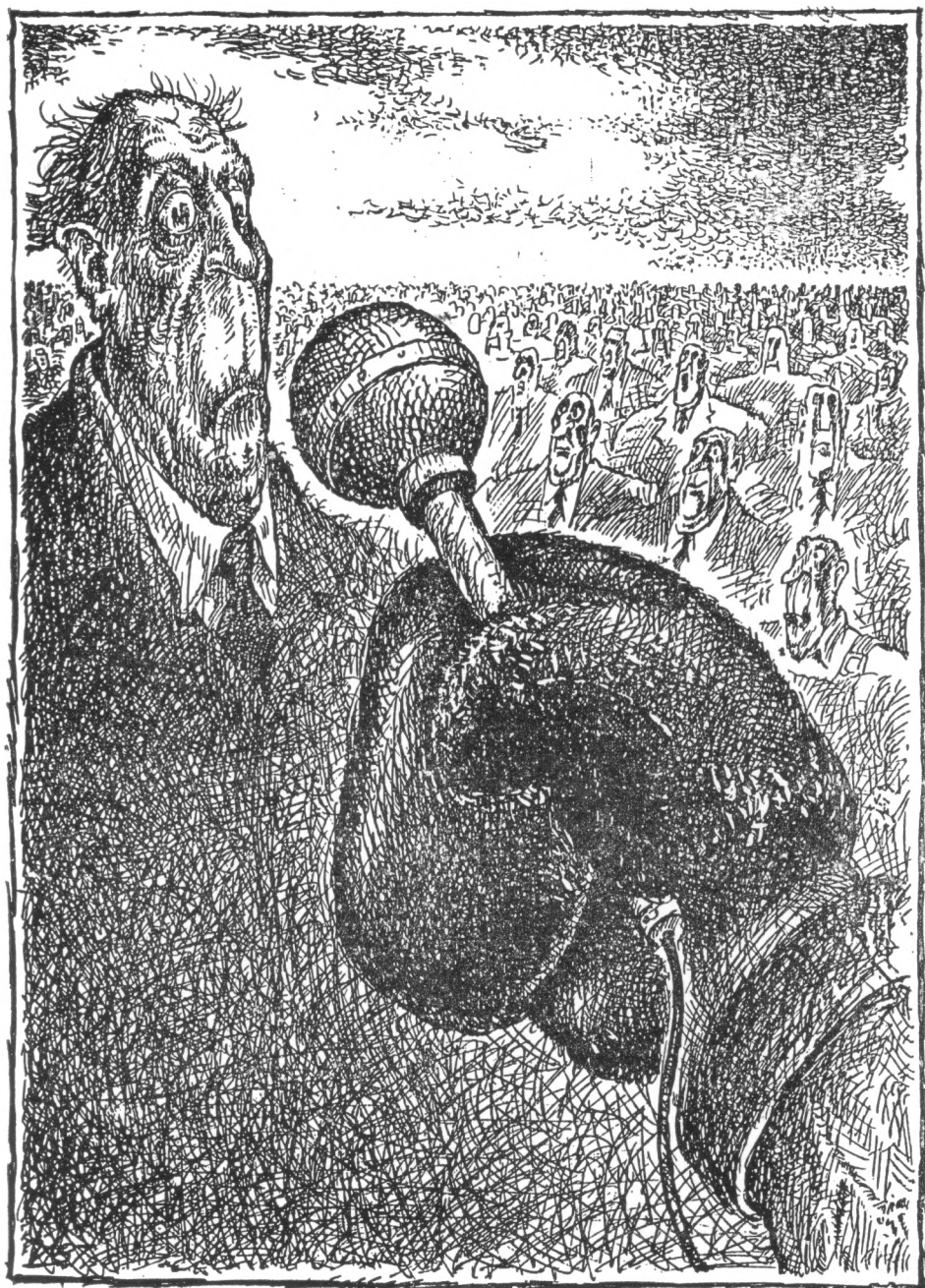
Бюллетень «Век XX и мир» № 1 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография им. Воровского, Москва.

Слано в набор 21.12.88 г. Подписано в печать 27.12.88 г. Заказ 6929

Объем 3 п. л.

Тираж 86.500 экз. (2-й завод 53001—86.500 экз.).

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
Тел. 200-38-07

Индекс 70188

